Сара Блейк

РЮРИКОВИЧИ

Семь веков правления

Династии

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рюрик – одна из наиболее загадочных фигур в древнерусской истории. Основатель династии Рюриковичей – династии русских князей, а затем и царей, правившей 736 лет, с конца IX по XVI век. Почти семь с половиной веков династия Рюриковичей создавала, берегла и укрепляла Русь.

Эта история начинается в IX веке. 862 год, на славянских землях царят вражда и смерть, междоусобные войны буквально опустошают земли, и тогда славянские и финские племена решают: чтобы поскорее установить порядок на своих землях, нужно пригласить князя со стороны, из варягов. «Варяги же эти звались русью»…

Кем был легендарный родоначальник этой династии, о котором почти не пишут летописцы, – норманном, пруссом или выходцем из славян? Был ли он призван новгородцами или, совершив набег со скандинавской дружиной, захватил власть в Новгороде? Династия, определившая судьбу огромного государства, правители, пришедшие с севера и сумевшие объединить славянские земли, великие князья, которые создали единые законы, культуру и даже язык, – кто они?

В этом великокняжеском, а затем и царском роду, разделившемся на множество ветвей, были и самые жестокие, и самые мудрые правители, и святые, и прославленные воины…

- Сара Блейк
  - Вступление
  - Глава 1. Происхождение варягов
  - Глава 2. Первый великий правитель на Руси
  - Глава 3. Происхождение Рюрика
  - Глава 4. Вещий Олег
  - Глава 5. Игорь
  - Глава 6. Ольга
  - Глава 7. Святослав Игоревич
  - Глава 8. Политика Святослава Игоревича
  - Глава 9. Владимир Красное Солнышко
  - Глава 10. Ярослав Мудрый
  - Глава 11. Владимир «Мономах»
  - Глава 12. Юрий Долгорукий
  - Глава 13. Александр Невский
  - Глава 14. Иван Калита
  - Глава 15. Дмитрий «Донской»
  -

- Глава 16. Василий Дмитриевич
- Глава 17. Василий «Темный»
- Глава 18. Иоанн «Великий»
- Глава 19. Василий III
- Глава 20. Иоан Грозный
- Глава 21. Федор «Блаженный»
- Глава 22. Конец династии Рюриковичей
- Глава 23. Неразгаданные тайны династии Рюриковичей
- Заключение

Сара Блейк
Рюриковичи. Семь веков правления

Вступление

На обширной восточно-европейской равнине, окруженной великими реками, издавна жили славянские народы, наши предки. Когда они пришли сюда – неизвестно. Расселились они по разным местам этой огромной, но пустынной страны, а главным образом по великому водному пути: от моря варяжского (сегодня Балтийское море), озеро Нево (Ладожское озеро), реки Волхова, озера Ильмени, реки Ловати, реки Днепра до моря Русскаго (Черное море). От места расселения большей частью и приняли свое название славяне: они построили Новгород; по Днепру жили поляне, у которых был свой город Киев; поселившиеся в лесах, недалеко от полян назывались древлянами; много и других славянских племен с разными названиями поселилось около рек и озер русских. Но не одни славяне жили в нынешней России. Жили тут и народы иноплеменные. К северу и северо-востоку – финские племена (чудь, весь, меря, мурома, черемиса, мордва и др.). К западу – Литва, к югу и юго-востоку – тюрки (хозары, печенеги, половцы).

Занимались славяне большей частью земледелием. Управлялись родоначальниками, но не было мира между племенами, и к тому же, обижали их соседи. Тогда они сами отправили за море Балтийское к одному из племени варягов, которое называлось Русью (откуда и мы все стали называться русскими), послов, говоря: «Вся земля наша велика и обильна, а наряда (порядка) в ней нет, придите княжить и владеть нами», три князя (братья Рюрик, Синеус, Трувор) из этого племени пришли со своими дружинами, среди которых было немало и славян, и заняли места в Новгороде, на Белоозере и в Изборске. Это случилось в 862 году.

С этого года начинается тяжелая работа русского народа над устройством своего государства…

Глава 1. Происхождение варягов

Рюрик (?–879) – это настоящая легенда. Именно он является основателем древнерусского государства и основателем великой династии Рюриковичей. Летописи гласят, в 862 году он, призванный от варягов славянами, кривичами, чудью и весью занял вначале Ладогу, а затем и Новгород. Перебравшись в Новгород Рюрик заключил с местной знатью договор, по которому и правил, утвердив в этом договоре право за собой на сбор доходов.

По свидетельству одного из летописцев Нестора в «Повести временных лет» было сказано: «володеть и княжить восточными славянами». И 8 сентября, 862 года призванный глава варяжского военного отряда Рюрик прибыл вместе с братьями Синеусом и Трувором.

Призвание варягов на эту землю является началом появления Руси. По крайней мере, так говорит летописная традиция. В «Повести временных лет» рассказывается, что в 862 году вместе со своими родами трое варяжских братьев пришли править к славянам. И вот тогда и был заложен город Ладога. Самое интересное, что летопись не дает точного ответа на логичный вопрос: откуда пришли люди, давшие начало русской государственности, и кем, собственно, были по происхождению эти самые варяги? Авторы различных учебников и трудов не приходят к единому мнению уже много лет. И в историографии варяги успели побывать и датчанами, и шведами, и скандинавами, и одни историографы считали варягов истинными славянами а, другие, наоборот, – норманнами. Этот вопрос без ясного на него ответа до сих пор является причиной для различных противоречащих друг другу утверждений. Но для древнего летописца Нестора, кажется, было очевидно происхождение варягов. Он в своем труде помещал земли этого народа на южно-балтийское побережье как дословно сказано в писании вплоть «до земли аглянской», иными словами до области Ангельн в Гольштейне.

На современной карте «земля аглянская» – это северно-германская территория Мекленбург, но вот население данной земли в древности никак не было немецким. Сохранившиеся и сегодня названия населенных пунктов Руссов, Рерик, Варин и многие другие хранят в себе тайну принадлежности населения к какой-то из наций. Но несмотря, однако, на всю очевидность в свидетельстве в виде летописи, вопрос происхождения варягов стал для потомков дискуссионным. И это, между прочим, значит,

что о корнях русской государственности не приходится говорить со 100 % точностью. Также одна из появившихся версий в политических кругах при дворе шведского короля о происхождении Рюрика из Швеции еще больше внесла сумятицу в и без того жаркие дискуссионные споры. Именно эту версию впоследствии подхватили некоторые немецкие историки. Удивительно то, что если говорить объективно то, эта гипотеза не имела под собой никаких даже малейших исторических оснований. Но, как ни странно, была полностью обусловлена с политической точки зрения. Впоследствии, когда между Иваном Грозным и шведским королем Юханом III в годы Ливонской войны из-за вопроса о титуловании разгорелась острейшая полемика, русский царь прямо говорил своим приближенным, что считает шведского правителя простым выходцем из «мужичьего рода», когда же король прознал об этих словах Ивана Грозного, он, сильно разозлившись, ответил, что царю стоит держать язык за зубами. Ибо предки самой русской династии происходят якобы из Швеции. Накануне Смутного времени в начале XVII века эти слова короля окончательно стали политической концепцией, шведы, претендовавшие на новгородские земли, изо всех сил пытались доказать свои территориальные права чем-то вроде летописного «призвания». То есть они хотели чтобы новгородцы направили некое подобие «прошения» к шведскому королю для того чтобы пригласить его на правление их землями. Якобы потому что они так некогда призвали «шведского» князя Рюрика. Самое интересное, что вывод о том, что Рюрик и варяги были по происхождению «шведами», в то давнее время был основан только лишь на том, что варяги пришли на Русь «из-за моря», и значит, скорее всего, из Швеции.

В дальнейшем, в первой половине XVIII века к теме о происхождении варяг решили обратиться из Петербургской Академии наук немецкие ученые, которые стремились обосновать немецкое господство в России периода регентства Бирона. Эти же ученые сумели сформулировать «норманнскую теорию», согласно этой теории, основатели древнерусского государства – варяги, были признаны самыми настоящими выходцами из Швеции, то есть, иными словами, «немцами», ведь тогда так называли всех иностранцев. С того времени эта теория, превратилась в некое подобие целого научного направления, она прочно закрепилась в отечественной историографии. Но, например, М. В. Ломоносов и другие многие выдающиеся историки, ясно указывали на то, что данная «норманнская теория» абсолютно не соответствует реальным фактам и исторической действительности той эпохи. Приводится в пример даже такой факт, почему бы шведы в IX веке

не могли создать на Руси государство. В то время, оказывается, этот народ сам не имел государственности! И также в русской культуре и в русском языке нет скандинавских заимствований. Если, опять же, обратиться к летописи Нестора и внимательно изучить, ее она ни в коей мере не позволит подтвердить теорию норманнов. Даже в то время летописец хорошо отличал варягов от шведов и других скандинавских народов. Он ясно написал в своем труде, что «звались те варяги – русь, как другие зовутся шведы, иные же норманны, англы, другие готы». Такую фразу вряд ли можно понять неверно. И даже не знакомому с древним языком читателю ясна фраза «звались те варяги – русь». Заметим также и тот факт, что, заключая мирные договоры с Византией, те самые варяги, которых ученые-норманнисты считают шведскими викингами, дружинники князей Олега и Игоря приносили клятву именами языческих богов Перуна и Велеса, а совершенно не Одина или Тора. Наш ученый А. Г. Кузьмин также отмечал, что только один такой факт мог бы опровергнуть всю «норманнскую теорию». Эта теория в таком виде вряд ли могла бы быть жизнеспособной в адекватной академической науке. Но дело в том, что к ней с завидным постоянством обращались тогда, когда нужно было нанести хороший удар, в первую очередь, по идее русской государственности. В современном мире эта теория не утратила своей разрушительности, но приобрела новую форму, правда, современные норманнисты, говорят уже не только о «скандинавском происхождении варягов», а еще и о разделе в древнерусском государстве «сфер влияния».

Норманисты изменили свою теорию, и сегодня они считают, что на северные области Руси якобы распространялась власть викингов, а на южные – хазар (ученые посчитали что между ними существовал какой-то договор). В этой теории теперь для русских не предполагается абсолютно никакой роли в собственной ранней истории. Но само развитие русского государства полностью опровергает эту теорию придуманную политическими врагами России. Подумайте сами смогла ли древняя Русь стать великой Российской империей без исторической миссии русского народа? Совершенно ясно, что история состоялась вместе с великим народом, происходившим от варяжского начала. К сожалению, сегодня все чаще слышны мнения о том, что предками русских были далеко нерусские народы. Это не так. Предками великого народа были варяги, которые также были русскими. Единственно, следует понимать, что именно русь – это исконное родовое имя, а варягами называли древнерусских мореплавателей. Посол Сигизмунд Герберштейн, побывавший в Москве в начале XVI века, писал, что родина варягов – Вагрия – располагалась на южно-

балтийском побережье и от них Балтика называлась Варяжским морем. Он выразил мнение, бытовавшее в просвещенных кругах Европы того времени. С развитием научной генеалогии стали появляться ученые труды о связях русской царской династии с древними королевскими родами Мекленбурга. В северно-германском Поморье о варягах и их исторических связях с Россией помнили вплоть до XIX века. По сей день в Мекленбургской области сохраняется множество следов пребывания донемецкого населения. Очевидно, что «немецко»» она стала лишь после того, как варяги и их потомки были вытеснены на восток или онемечены католическими орденами. Французский путешественник К. Мармье записал однажды в Мекленбурге народную легенду о Рюрике и его братьях. В VIII веке варягами правил король Годлав, у которого было три сына – Рюрик, Сивар и Трувор. Однажды они отправились с южной Балтики на восток и основали древнерусское княжество с центрами в Новгороде и Пскове.

Глава 2. Первый великий правитель на Руси

Итак, Рюрик стал главой династии, которая царствовала до 1598 года. Эта легенда из Северной Германии полностью созвучна Сказанию о призвании варягов из летописи. Однако внимательный анализ фактов позволяет в некоторой степени скорректировать летописную хронологию, по которой Рюрик с братьями начали править на Руси с 862 года. А. Куник вообще считал эту дату ошибочной, оставляя неточность на совести позднейших переписчиков летописи. Очевидно, что события, о которых кратко сообщали русские летописи, получают историческое наполнение по немецким источникам. Сами немцы опровергали норманнистские выдумки. Мекленбургский юрист Иоганн Фридрих фон Хемниц ссылался на легенду, согласно которой Рюрик с братьями были сыновьями князя Годлава, погибшего в 808 году в битве с датчанами. Учитывая то, что старшим из сыновей был Рюрик, можно предположить, что он родился не позднее 806 года (после него до гибели отца в 808 году должны были появиться на свет два младших брата, которые не были одногодками). Конечно, Рюрик мог родиться и раньше, но об этом у нас пока нет достоверных сведений. По немецким источникам, Рюрик с братьями были «призваны» около 840 года, что представляется весьма правдоподобным. Таким образом, варяжские князья могли появиться на Руси в зрелом и дееспособном возрасте, что выглядит совершенно логично. И действительно, согласно последним археологическим находкам, удалось установить, что Рюриково городище близ современного Новгорода, которое и есть древний Рюриков Новгород, существовало ранее 862 года. С другой стороны, допуская ошибку в хронологии, летопись более точно указывает на место «призвания». Вероятнее всего это был не Новгород (как по немецким данным), а Ладога, которая была заложена варягами еще в середине VIII века. А Новгород (Рюриково городище) князь Рюрик «срубил» позднее, объединяя земли братьев после их смерти, о чем свидетельствует и название города.

Родословную Рюрика от древних варяжских королей признавали знатоки и исследователи генеалогий. Мекленбургские историки писали о том, что его дедом был король Витслав, бывший равноправным союзником франкского короля Карла Великого и участвовавший в его походах против саксов. Во время одного из таких походов Витслав был убит,

попав в засаду при переправе через реку. Некоторые авторы прямо называли его «королем руссов». В северогерманских родословных указывается и на родство Рюрика с Гостомыслом, который действует в летописном сказании о призвании варягов. Но если скупые строки летописи о нем почти ничего не сообщают, то во франкских хрониках он упомянут как противник императора Людовика Немецкого. Почему Рюрик с братьями отправились с южнобалтийского побережья на Восток? Дело в том, что у варяжских королей существовала «очередная» система наследования, по которой власть всегда получал старший представитель правящего рода. Позднее подобная система наследования княжеской власти стала традиционной на Руси. При этом сыновья не успевшего занять королевский трон правителя не получали никаких прав на престол и оставались вне главной «очереди». Годлав был убит раньше своего старшего брата и при жизни так и не стал королем. По этой причине Рюрик с братьями был вынужден отправиться в периферийную Ладогу, где с этого времени началась славная история государства Российского. Князь Рюрик был полноправным правителем Руси и выходцем из «рода Русского», а вовсе не иностранным властителем, как желают представить те, кто всю русскую историю мыслит только под иноземным господством.

Рюрик в летописях

Согласно древнерусскому летописному своду XII века «Повести временных лет», в 862 году варяг Рюрик с братьями по приглашению племен чудь, словене, кривичи и весь был призван княжить в Новгород. Это событие, с которого традиционно отсчитывается начало государственности восточных славян, в историографии получило условное название «Призвание варягов». Летописец назвал причиной приглашения междоусобицы, охватившие проживающие на новгородских землях славянские и финно-угорские племена. Рюрик пришел со всем своим родом и народом русь, этническая принадлежность которого продолжает оставаться дискуссионной.

Летопись сообщает о том, как после смерти братьев власть сосредоточилась в руках старшего из них, Рюрика:

«…И пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были слове-не. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один

Рюрик, и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах – находники, а коренное население в Новгороде – словене, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик».

По летописи можно заметить расширение подвластных Рюрику земель. Его власть вскоре после прихода на княжение в Новгород простиралась уже на западно-двинских кривичей (город Полоцк) на западе, финно-угорские племена мери (город Ростов) и мурома (город Муром) на востоке. В поздней Никоновской летописи (1-я половина XVI века) сообщается о смуте в Новгороде, жители которого были недовольны правлением Рюрика. Событие отнесено к 864 году, то есть когда по Ипатьевскому списку ПВЛ Рюрик основал Новгород. Чтобы подавить смуту, Рюрик убил некого Вадима Храброго, о котором известно только то, что сказано в Никоновской летописи:

«В лето 6372 … оскорбишася Новгородци, глаголюще: “яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его”. Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго, и иных многих изби Новгородцев съветников его».

Историки связывают сообщение Никоновской летописи о восстании новгородцев с более поздними событиями XI века при Ярославе Мудром. Более ранние, чем Никоновская, летописи ничего не говорят о Вадиме Храбром и смуте новгородцев против Рюрика, тем более, что и сам Новгород был построен, согласно археологической датировке, уже после смерти Рюрика вблизи его укрепленной резиденции (городища).

В 879 году, согласно летописи «ПВЛ», Рюрик умирает, оставив малолетнего сына Игоря под опекой своего военачальника и, возможно, родственника Олега.

Автор «Задонщины», поэтического творения конца XIV века, прославляет Рюрика как первого русского князя: «Той бо вещий Боян, воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русскыим князем: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичу и Святославу Ярославичу, Ярославу Володимеровичу…».

Древнерусские летописи начали составляться 150–200 лет спустя после смерти Рюрика на основе каких-то устных преданий, византийских хроник и немногих существующих документов. Поэтому в историографии сложились разные точки зрения на летописную версию призвания варягов. В XVIII – первой половине XIX века преобладала теория о скандинавском или финском происхождении князя Рюрика (Нор-манизм), позднее развилась гипотеза о его западнославянском (поморском)

происхождении.

Глава 3. Происхождение Рюрика

Вокруг родоначальника первой княжеской династии Руси существует много версий, вплоть до попыток доказать его легендарность. Легендарность Рюрика порождается отсутствием сведений о его происхождении: откуда он пришел на княжение и к какому народу-племени принадлежал. Тема родины Рюрика тесно связана с этимологией слова русь или русы. Существуют несколько версий происхождения Рюрика, из которых основными являются норманская и западно-славянская.

Норманнская (скандинавская) теория

Исходя из того, что в русских летописях Рюрик назван варягом, а варяги-русь по различным источникам ассоциируются с норманнами или шведами, сторонники норманской концепции считают Рюрика, как и всю его дружину, викингами-варягами, происходящими из Скандинавии.

Этимология имени

Древнескандинавское имя Hrorekr является производным от форм староскандинавского «HrooiR» («слава») и «-rikR» («знатный», также толкование как измененное заимствование из латинского – rex, правитель). Производные значения были использованы в легендах и мифах разных народов:

• Hrodric – старо-германский язык;

• Hreric и Hroiricus – старо-английский язык;

• Rorik – восточный старо-норманский, старо-шведский, старо-датский языки;

• Hrirekr – западный старо-норманский язык;

• rorikR, ruRikr, hruRikR – из рунических надписей.

Из скандинавского эпоса и хроник известны следующие носители имени Rorik (Hrrekr):

• Hreiric – сын датского короля V века в эпосе «Беовульф»;

• Рорик – датский король VII века, дед знаменитого принца Гамлета, история которого описана Саксоном Грамматиком и позднее послужила основой для пьесы Шекспира;

• Rudereiks (Рудерих) – король вестготов в Испании в 710–711 гг.;

• Рерик Ютландский – датский викинг IX века, часто

упоминался в хрониках;

• Хререк, сын Хринга – норвежский конунг, ослепленный в начале XI века конунгом Олафом Святым. Известен по саге «Прядь об Эймунде Хрингссоне».

Согласно общепринятым утверждениям филологов-германистов общее с именем Рорик (Рюрик) происхождение имеют современные имена Родерих (Roderich), Родерик (Roderick), Родриго (Rodrigo). В настоящее время имя Rurik имеет хождение в Финляндии, Дании, Швеции и Исландии.

Рорик из Дании

По одной из версий Рюриком являлся викинг Рорик Ютландский (или Фрисландский) из династии Скьельдунгов, брат (или племянник) изгнанного датского короля Харальда Клака, который в 826 году получил от Людовика Благочестивого в лен владения на побережье Фризии с центром в Дорестаде. Первый раз имя Рорика всплывает в Ксантенских анналах в 845 году в связи с набегом на земли Фризии. В 850 году Рорик воюет в Дании против датского короля Хорика I, а затем грабит Фризию и другие места по Рейну. Король Лотарь I был вынужден уступить Рорику Дорестад и большую часть Фризии, взамен крестив его.

В 855 году Рорик с племянником Готфридом (сыном Харальда Клака) еще раз пытались вернуть королевскую власть в Дании, когда трон освободился после гибели Хорика I. В 873 году Рорик, «желчь христианства» по словам Ксантенского хрониста, приносит клятву верности Людовику Немецкому. В 882 году император Карл Толстый передал Фризию Готфриду, племяннику Рорика, видимо в связи с кончиной последнего.

Хотя нет никаких, даже косвенных, сведений о походе Рорика Ютландского в земли восточных славян, версия о его причастности к «призванию варягов» поддерживается некоторыми лингвистическими совпадениями. Во Фризии (ныне северо-восточная часть Нидерландов и часть Германии) был в IX веке прибрежный район Wieringen. В современном произношении название звучит примерно как Виэрега, что близко к древнерусским варягам. По археологическим находкам в этом районе делаются предположения о существовании именно здесь базы Рорика.

Также с Фризией связано замечание хрониста XII века Гельмольда про «фризов, которые называются рустры». Приморская провинция Rustringen отмечена на картах XVII века в восточной Фрисландии, на границе современной Германии с

Нидерландами.

Эйрик из Швеции

Другая версия скандинавского происхождения Рюрика связывает его с Эйриком Эмундарсоном, конунгом шведской Уппсалы. В сочинении исландского скальда начала XIII века Снорри Стурлусона «Круг земной» рассказано о всенародном сходе (тинге) 1018 года в Уппсале. Один из участников схода заявил: «Торгнир, мой дед по отцу, помнил Эйрика Эмундарсона, конунга Уппсалы, и говорил о нем, что пока он мог, он каждое лето предпринимал поход из своей страны и ходил в различные страны и покорил Финланд и Кирьялаланд, Эйстланд и Курланд и много земель в Аустрленд. А если ты хочешь вернуть под свою власть те государства в Аустрвеге, которыми там владели твои родичи и предки, тогда все мы хотим следовать в этом за тобой». Аустрлен-дом (Восточная земля) и Аустрвеги (Восточные пути) в сагах именовалась Русь.

По вычислениям известного шведского археолога Биргера Нермана, конунг Уппсалы Эйрик (др. – сканд. Eiríkr), сын Эмунда, умер в 882 году, а «покорение Восточных земель» относится к началу его правления – 850–860-м годам, что почти совпадает с датами правления Рюрика. Методика столь точного вычисления дат Нерманом неизвестна. Подробнее о шведских набегах на Прибалтику в середине IX века стоит прочитать в «Житие Ансгара», составленное Римбертом, а также Гробиня.

Во времена Эйрика Эмундарсона у норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого был сын по имени Хререк (сага Снорри Стурлусона о Харальде Прекрасноволосом). Конунг Харальд скончался в провинции Ругаланн (Rygjafylke), передав власть своему сыну Эйрику Кровавая Секира, а о судьбе конунга Хререка сага ничего не сообщает.

Рорик из Гаутланда

Согласно шведской «Саге о Рорике и его потомках», изданной только в пересказе Д. М. Михайловича, конунг Рорик был сыном конунга Арнвида из рода Скильвингов, который владел новгородскими землями:

У ярла Гауталанда воспитывался Рорик из рода Скильвингов, конунгов Восточного пути. Его отец, Арнвид Незаконнорожденный, был убит в Гардарике людьми,

посланными шведским конунгом… Арнвид по праву владел Альдейгьюборгом и собирал дань с Хольмграда, Бьярмии и других земель Восточного пути. Шведский конунг послал корабли с большим войском, его воины бились с людьми Арнвида, и многие пали с обеих сторон в этой битве. Конунг Альдейгьюборга был убит, и с ним погибли почти все его воины. Но и от людей шведского конунга осталось меньше половины. И тогда жители Гардарики, называвшиеся словене, объединились с бьярмами и прочими племенами, разбили их и прогнали за море… Тогда им пришлось вспомнить о том, что в Гауталанде воспитывается враг шведского конунга. Они послали своего человека и тот тайно встретился с Рориком… Посол из Гардарики по имени Лют сказал Рорику: «Мы обещаем опять отдать тебе Альдейгьюборг, если ты сумеешь защитить нас от людей конунга».

Пересказ саги на русском опубликован в популярном издании РАЕН и не используется в академических исследованиях, также не известны научные публикации по этой саге на английском. Проблема возникает при идентификации города Альдегьюборг. Д. М. Михайлович отождествляет его с Ладогой, другие авторы указывают на то, что это название является калькой со Старграда, города вагров на Балтийском побережье.

Варяги из вагров или пруссов

Австриец Герберштейн, будучи советником посла в Московском государстве в 1-й половине XVI века, одним из первых европейцев ознакомился с русскими летописями и высказал свое мнение о происхождении варягов и Рюрика. Связывая название варягов со славянским прибалтийским народом вагров, Герберштейн приходит к выводу, что: «русские вызвали своих князей скорее от вагров, или варягов, чем вручили власть иностранцам, разнящимся с ними верою, обычаями и языком». Скандинавы и немцы называли вагров и всех поморских славян вендами. В синхронных источниках отсутствуют сведения о связи поморских славян с варягами, хотя во 2-й половине X века отмечены морские походы вендов на соседей.

М. В. Ломоносов выводил Рюрика с варягами из прусских земель, опираясь на топонимы и поздние летописи, которые заместили лексему «варяги» псевдоэтнонимом «немцы». Славянское происхождение Рюрика Ломоносов априори принимал как непреложный факт:

…варяги и Рурик с родом своим, пришедшие в Новгород, были колена славенского, говорили языком славенским,

происходили из древних россов и были отнюдь не из Скандинавии, но жили на восточно-южных берегах Варяжского моря, между реками Вислою и Двиною… имени Русь в Скандинавии и на северных берегах Варяжского моря нигде не слыхано… В наших летописцах упоминается, что Рурик с Родом своим пришел из Немец, а в других источниках пишется, что из Пруссии… Между реками Вислою и Двиною впадает в Варяжское море от восточно-южной стороны река, которая вверху, около города Гродна, называется Немень, а к устью своему слывет Руса. Здесь явствует, что варяги-русь жили в восточно-южном берегу Варяжского моря, при реке Русе… И само название пруссы или поруссы показывает, что пруссы жили по руссах или подле руссов.

– М. В. Ломоносов. «Возражения на диссертацию Миллера»

В Казанской истории автор пишет о новгородцах, приведших себе князя из Пруссии, от варягов:

«Новгородцы же, неразумные, привели себе из Прусской земли, от варягов, князя и самодержца и отдали ему всю свою землю, чтобы владел ими, как хочет».

Мекленбургские генеалогии

Существует народное предание о Рюрике и его братьях, опубликованное в 30-х годах XIX века французским путешественником и писателем Ксавье Мармье в книге «Северные письма». Он записал его в Северной Германии, у мекленбургских крестьян, бывших бодричей, к тому времени практически полностью онемеченных. В предании повествуется о том, что в VIII веке племенем ободритов управлял король по имени Годлав, отец трех юношей, первый из которых звался Рюриком Мирным, второй – Сиваром Победоносным, третий – Труваром Верным. Братья решили отправиться в поисках славы в земли на восток. После многих деяний и страшных боев братья пришли в Руссию, народ которой страдал под бременем долгой тирании, но не осмеливался восстать. Ободритские братья разбудили в местном народе усыпленное мужество, возглавили войско и свергли власть угнетателей. Восстановив мир и порядок в стране, братья решили вернуться к старому отцу, но благодарный народ упросил их не уходить и занять место прежних королей. Так Рюрик получил Новгородское княжество (Nowoghorod), Сивар – Псковское (Pleskow), Трувар – Белозерское (Bile-Jezoro). Поскольку спустя время младшие братья умерли, не оставив законных наследников, Рюрик присоединил их княжества к своему, став основателем правящей династии. Следует отметить,

что это единственное упоминание о Рюрике в западном фольклоре, хотя дату возникновения легенды установить невозможно. Предание записано спустя век после опубликования мекленбургской генеалогии Рюрика.

В начале XVIII века появляется ряд генеалогических трудов по династиям северо-немецкой земли Мекленбург, бывшей области расселения славянских племен ободритов или бодричей. В 1716 проректор гимназии Фридрих Томас издал труд к свадьбе мекленбургского герцога Карла Леопольда и русской царевны Екатерины, дочери царя Ивана V. Томас использовал манускрипт 1687 года, написанный нотариусом мекленбургского придворного суда Иоганном Фридрихом фон Хемницем, который, в свою очередь, ссылался на какой-то манускрипт 1418 года.

По немецкой версии король ободритов Вит-слав, союзник Карла Великого, был убит саксами в 795 году. Его старший сын Траскон (Дражко, Драговит) наследовал корону, а другой сын, Годлиб (или Годелайв, или Годслав), погиб в 808 году при штурме Рерика датским конунгом Готфридом. Все эти данные взяты из Анналов королевства франков. Иоганн Хюбнер, издавший свои генеалогические таблицы в 1708 году, сообщает новые сведения, что сыновья Годлиба Рюрик, Сивар (Синеус в русских летописях) и Трувор отправились в 840 году в Новгород (Nowoghorod).

Попытка привязать Рюрика к Годлибу приводит к неувязке в русской генеалогии. Рюрик должен был родиться не позже 805 года. Тогда он становится отцом князя Игоря в возрасте за 70 лет (по хронологии ПВЛ), что является возможным, но достаточно сомнительным. Впрочем, известно, что датировка древнерусских летописей в периоде до середины X века приблизительна, если только не использовались византийские источники.

Вендский сокол

Славянское племя бодричи, или ободриты, также назывались реregами. Адам Бременский свидетельствует: «Славянских народов существует много. Среди них наиболее западные вагры, живущие на границе с трансальбингами. Их город, лежащий у моря Алдинбург. Затем следуют ободриты, которых теперь называют реregами, а их город Магнополис».

Историк XIX века Гедеонов предположил, что Рюрик – это не собственное имя, а родовое прозвище Ререк, которое носили все представители правящей династии ободритов. Предположение обосновывалось ссылкой на скандинавские саги, где якобы скальд

Гутхорм Синдри называет славян-вендов соколами. Цитируемое место относится к саге о Хаконе Добром из цикла «Круг Земной» Снорри Стурлусона. Гутхорм Синдри там говорит о «сокольих далях» в контексте войны во 2-й половине X века конунга Хакона с викингами – «как датчанами, так и вендами». В скандинавских сагах венды (поморские славяне) стали заниматься морским разбоем с X века, в более ранние времена источники фиксируют только их сухопутные походы. Впоследствии автор «Слова о полку Игореве» называет взрослых Рюриковичей соколами, а княжичей – соколичами, однако такой эпитет с древних времен применялся к людям благородного происхождения.

Герб Рюриковичей некоторыми исследователями (С. А. Гедеонов, О. М. Рапов) трактуется как схематическое изображение пикирующего сокола, хотя другие видели в нем изображение скипетра и даже вил. Современным стилизованным вариантом этого изображения является герб Украины. Подтверждением версии о происхождении имени «Рюрик» от западнославянского обозначения сокола могут служить найденные археологами предметы эпохи первых Рюриковичей с изображением сокола. Однако в таком случае герб Рюриковичей возможно указывает на датское (или смешанное датско-венедское) происхождение Рюрика, так как похожее изображение сокола (или ворона Одина) отчеканено на английских монетах датского конунга Анлафа Гутфритссона (939–941 гг.). Сокол в скандинавских языках не назывался словом близким к имени «Рюрик», поэтому имя могло быть заимствованным.

Иоакимовская летопись

Иоакимовская летопись – летописный текст неизвестного происхождения, сохранившийся только в выписках, сделанных В. Н. Татищевым. Летопись названа по имени Иоакима, первого новгородского епископа, которому Татищев приписал авторство, исходя из содержания летописи. Историки относятся к ней с большим недоверием, однако используют как вспомогательный материал.

Согласно Иоакимовской летописи, Рюрик был сыном неизвестного варяжского князя в Финляндии от Умилы, средней дочери славянского старейшины Гостомысла. Летопись не говорит, какого племени был князь в Финляндии, сообщает только, что варяг. Перед смертью Гостомысл, княживший в «Великом граде» и потерявший всех сыновей, дал наказ призвать сыновей Умилы на княжение, в соответствии с советом вещунов.

Так появился Рюрик с двумя братьями в «Великом граде», которому соответствует либо Старая Ладога, либо город бодричей Велиград. На 4-й год княжения Рюрик переселился в «Новый град великий» (можно подразумевать Рюриково Городище или Новгород) к Ильменю. По смерти отца к Рюрику перешли финские земли.

Одна из жен Рюрика была Ефанда, дочь «урманского» (норвежского) князя, которая родила Ингоря (Игоря Рюриковича). Брат Ефанды, «урманский» князь Олег стал княжить после смерти Рюрика.

Скандинавское происхождение Рюрика косвенно подтверждается одной из версий этимологии слова «русь». Согласно ей русь есть славянское произношение финского Ruotsi, то есть шведов в современном финском языке. Как полагают, в IX веке финны называли так всех викингов-варягов, собирающих дань с местного населения, о чем свидетельствует и «Повесть временных лет»: «Тех варягов звали русь, как другие называются свеи [шведы], другие же урмане [норвежцы] и англяне, а иные готы [голландцы]». Когда Вещий Олег в 882 году отправился на Смоленск и на Киев, то в перечислении племенного состава его войск чудь (древнерусское собирательное название северо-западных финноязычных племен) стоит на первом месте после варягов и перед словенами.

Как мы видим, версии абсолютно разные, и тут, как говорится, каждый может выбрать на свой вкус. Конечно, вначале мы говорили о русском происхождении первого правителя Руси, но нельзя отвергать теории, выдвинутые и другими учеными, которые наплодили великое множество гипотез. Они читателю должны быть интересны в первую очередь как ознакомительный материал. А теперь расскажем немного о правлении самого Рюрика. Известно об этом не слишком много.

В то время когда братья со своей дружиной распределились по землям: Синеус – между чудью и весью на Белоозере; Трувор – у кривичей в Изборске; Рюрик – у славян ильменских.

Вскоре славяне пожалели о «вхождении» варягов в славянский мир и некий Вадим «Храбрый» поднял против чужеродных правителей своих соплеменников. Существует версия, что в этой схватке погибли братья Рюрика, но ему удалось казнить Вадима и подавить мятеж. Земли, принадлежавшие братьям, он присоединил к своим и установил единовластие. К славянскому народу присоединились и некоторые финские племена, приняв их язык, веру и обычаи.

Были у Рюрика недовольные и в своем окружении Аскольд и Дир. Недовольные князем, в поисках счастьях отправились они из

Новгорода в Константинополь и основали свою самодержавную область на Руси. Аскольд и Дир на юге, Рюрик на севере.

Собрав многочисленную дружину, Аскольд и Дир решили напасть на Византию. Греческий император с войском был в Азии, нападение было неожиданным. По словам византийцев, ужас охватил всех, такого не видел еще никто. Пощады не было никому – ни старым, ни малым. Константинополь был в критическом положении, но греков спасло чудо: «опущенная в воду патриархом Фотием риза Богоматери вызвала бурю, рассеявшую русские лодки». Оставшиеся из дружины со своими князьями вернулись в Киев. Русские язычники, напуганные Небесным гневом, обратились с просьбой о святом крещении к духовенству Константинополя. По данным историков случаи принятия христианства были известны и до нападения Аскольда и Дира.

Согласно обычаям язычников, которым был и Рюрик, он мог иметь несколько жен и наложниц. По преданию, одна из его жен Эфанда родила сына Игоря.

Согласно летописи «Повесть Временных лет» Рюрик после смерти своих братьев в Новгороде княжил еще 15 лет и скончался в 879 году, оставив правление и сына Игоря своему родственнику Олегу.

Как уже говорилось, к нашему времени мало что известно о жизни Рюрика, но память о правителе-основоположнике великой династии Рюриковичей, поднявшей достоинство и авторитет державной России, осталась бессмертной.

Глава 4. Вещий Олег

В русских летописях имеется две версии биографии Олега. Согласно традиционной, изложенной в «Повести временных лет», он был родичем (соплеменником) Рюрика. После смерти Рюрика в 879 году он стал княжить в Новгороде.

«Умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу, своему родственнику, отдал ему на руки сына Игоря, потому что был тот еще очень мал», – вот как сообщает Нестор о начале княжения Олега. Нестор не сообщает степень родства Олега и Рюрика, а вот 1-я русская летопись (Древнейшая) отмечает, что Олег не принадлежал к семье варяжского князя, а был лишь воеводой, приставленным Рюриком в роли опекуна к малолетнему сыну. Якимовская летопись объявила Олега «нормандским князем» и шурином Рюрика, по Раскольнической летописи Олег является дядей Игоря со стороны матери, а еще одна памятка считает Олега племянником Рюрика. Как было в действительности – неизвестно.

Этимология имени свидетельствует в пользу скандинавского происхождения Олега. Русское произношение имени Олег могло возникнуть из разных скандинавских имен. В скандинавских сагах было распространено имя Helgi (жен. род Helga), что означает святой (в смысле посвященный богам). Близки по звучанию также Ole, Oleif, Ofeig.

Весть о счастливом успехе Рюрика и братьев его, желание участвовать в их завоеваниях и надежда обогатиться, без сомнения, привлекли многих варягов в Россию. Князья рады были соотечественникам, которые усиливали их верную, смелую дружину. Олег, пылая славолюбием героев, не удовольствовался сим войском, но присоединил к нему великое число новогородцев, кривичей, веси, чуди, мери и в 882 году пошел к странам Днепровским. Смоленск, город вольных кривичей, сдался ему, кажется, без сопротивления, чему могли способствовать единоплеменники, служившие Олегу. Первая удача была залогом новых: храбрый Князь, поручив Смоленск своему боярину, вступил в область северян и взял Любеч, древний город на Днепре. Но желания завоевателя стремились далее: слух о независимой Державе, основанной Аскольдом и Диром, благословенный климат и другие естественные выгоды Малороссии, еще украшенные, может быть, рассказами, влекли Олега к Киеву.

Вероятность, что Аскольд и Дир, имея сильную дружину, не захотят ему добровольно поддаться, и неприятная мысль

сражаться с единоземцами, равно искусными в деле воинском, принудили его употребить хитрость. Оставив позади войско, он с юным Игорем и с немногими людьми приплыл к высоким берегам Днепра, где стоял древний Киев; скрыл вооруженных ратников в ладьях и велел объявить Государям Киевским, что варяжские купцы, отправленные Князем Новогородским в Грецию, хотят видеть их как друзей и соотечественников. Аскольд и Дир, не подозревая обмана, спешили на берег: воины Олеговы в одно мгновение окружили их. Правитель сказал: Вы не князья и не знаменитого роду, но я князь, – и показав Игоря, примолвил: – Вот сын Рюриков! Сим словом осужденные на казнь Аскольд и Дир под мечами убийц пали мертвые к ногам Олеговым… Тела несчастных князей были погребены на горе, где в Несторово время находился Ольмин двор; кости Дировы покоились за храмом Св. Ирины; над могилою Аскольда стояла церковь Св. Николая.

Олег, обагренный кровью невинных князей, знаменитых храбростью, вошел как победитель в город их, и жители, устрашенные самым его злодеянием и сильным войском, признали в нем своего законного государя. Выгодное местоположение, судоходный Днепр, удобность иметь сообщение, торговлю или войну с разными богатыми странами – с Греческим Херсоном, с Козарскою Тавридою, с Болгариею, с Константинополем – пленили Олега, и сей князь сказал: Да будет Киев матерью городов Российских!

От русов, которые у славян стали князьями, славянские земли прозвались Русской землею или Русью. Позднее, уже в научной исторической литературе, государство, возникшее в конце IX века в землях восточных славян, назовут Киевской Русью.

Монархи народов образованных желают иметь столицу среди государства, во-первых, для того, чтобы лучше надзирать над общим его правлением, а во-вторых, и для своей безопасности: Олег, всего более думая о завоеваниях, хотел жить на границе, чтобы тем скорее нападать на чуждые земли; мыслил ужасать соседей, а не бояться их. Славяне, кривичи и другие народы должны были платить дань варягам, служившим в России: Новгород давал им ежегодно 300 гривен, что представляло цену ста пятидесяти фунтов серебра. Сию дань получали варяги, как говорит Нестор, до кончины Ярославовой: с того времени летописи наши действительно уже молчат о службе их в России.

Обширные владения Российские еще не имели твердой связи. Ильменские славяне граничили с весью, весь с мерею, меря с муромою и с кривичами; но сильные, от россиян независимые народы обитали между Новымгородом и Киевом.

В 883 году Олег покорил древлян и обложил их «тяжелой» данью, а в 884 и 885 годах возложил дань на северян и радимичей, которые до того платили дань хазарам. Он освободил северян от власти хозаров и, сказав: «враг им, а не вам!», удовольствовался самым легким налогом: верность и доброе расположение северян были ему всего нужнее для безопасного сообщения южных областей Российских с северными. Радимичи, жители берегов Сожских, добровольно согласились давать россиянам то же, что хозарам: по щлягу или мелкой монете с каждой сохи. Таким образом, Олег соединил цепью завоеваний Киев с Новгородом.

Покорив Север, князь Российский обратил счастливое оружие свое к Югу. В левую сторону от Днепра, на берегах Сулы, жили еще независимые от Российской державы славяне, единоплеменные с черниговцами: он завоевал страну их, также Подольскую и Волынскую губернию, часть Херсонской и, может быть, Галицию, ибо Летописец в числе его подданных именует дулебов, тивирцев и хорватов, там обитавших.

Олег правил государством и в то время, когда уже питомец его возмужал летами. Приученный из детства к повиновению, Игорь не дерзал требовать своего наследия от правителя властолюбивого, окруженного блеском побед, славою завоеваний и храбрыми товарищами, которые считали его власть законною, ибо он умел ею возвеличить государство.

Около сего времени Россия считалась 60-м архиепископством в списке епархий, зависевших от Главы Константинопольского духовенства. В 902 году 700 россов или киевских варягов служили во флоте греческом. Спокойствие, которым Россия, покорив окрестные народы, могла некоторое время наслаждаться, давало свободу витязям Олеговым искать деятельности в службе византийских императоров: греки уже издавна осыпали золотом так называемых варваров, чтобы они дикой храбростью своей ужасали врагов Константинополя. Но Олег, наскучив тишиною, или завидуя богатству Царьграда, в 907 году отправляется в большой военный поход к Константинополю (Царьграду). Все народы, ему подвластные: новогородцы, финские жители Белаозера, ростовская меря, кривичи, северяне, поляне Киевские, радимичи, дулебы, хорваты и тивирцы соединились с варягами под его знаменами. В походе, согласно «Повести временных лет», принимало участие 2000 ладей по 40 воинов в каждой, конница шла берегом. Игорь остался в Киеве: Правитель не хотел разделить с ним ни опасностей, ни славы.

Сухопутная армия приблизилась к стенам Константинополя, в то время как флот подошел к входу в бухту Золотой Рог,

которая была морскими воротами города. На противоположных берегах бухты в самом узком месте стояли две башни, между которыми в случае опасности натягивалась железная цепь, перекрывающая вход в бухту. Заслон этот был очень крепким – разбить ее было практически невозможно.

Византийский император Лев Философ отдал приказ закрыть ворота города и загородить цепями гавань, предоставив, таким образом, возможность варягам грабить и разорять пригороды Царьграда. Нестор, в доказательство своего беспристрастия, изображает самыми черными красками жестокость и бесчеловечие россиян. Они плавали в крови несчастных, терзали пленников, бросали живых и мертвых в море.

Греки перед флотом Олега сразу же закрыли бухту, но были чрезвычайно удивлены и даже напуганы, когда увидели вражеские корабли практически в городе, за цепью. Это произошло благодаря хитрости Олега. Вот как пишет Нестор: «Велел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса, и пошли со стороны поля к городу».

Элементарные знания механики дают возможность понять невозможность движения по суше даже легких кораблей, используя лишь паруса. Только для того, чтобы сдвинуть их с места пришлось бы впрягать в каждое судно несколько пар волов или коней, или же большое количество людей. Так и делали славяне, когда тянули волоком на катках свои ладьи сушей между реками или в обход порогов. Именно так ратники Олега и переместили флот в обход цепи.

Появление кораблей Олега в Золотом Роге означало полную осаду: русское войско окружило Константинополь и с суши, и с моря. Греки вынуждены были прибегнуть к мирным переговорам. Присланные императором послы сказали: «Не губи города, дадим тебе дани, сколько пожелаешь». При этом и греки были не без хитрости: они попытались отравить Олега, прислав отравленное угощение. Но их хитрость не удалась. Пришлось по всем правилам вести переговоры. Согласно договору, Олег получил по 12 гривен за каждую уключину, кроме того, Царьград обещал выплачивать дань на русские города: Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и другие, в которых сидели «великие князья».

В знак победы Олег прибил свой щит к воротам Царьграда. Главным результатом похода стало заключение торгового договора, обеспечившего свободу беспошлинной торговли русским купцам. Грекам же Олег велел сшить для своих ладей паруса, да непростые, а из дорогих материй – из паволок и шелка.

Греки исполнили волю киевского князя, и русские ладьи под богатыми парусами вернулись в Киев. В Киеве народ, удивленный его славою и богатствами, им привезенными, единогласно назвал Олега вещим, то есть мудрым.

Сам поход некоторые современные историки считают легендарным, поскольку о нем нет ни единого упоминания со стороны византийских авторов, которые достаточно подробно описывают подобные походы в 860 и 941 годах.

В 912 году Олег отправил в Константинополь посольство, которое подтвердило «многолетний» мир и заключило новый договор. По сравнению с договором 907 года из него исчезло упоминание о беспошлинной торговле. Олег именуется в договоре «великим князем русским». Подлинность этого соглашения подтверждается упоминанием с византийской стороны и сомнению не подвергается. Олег хотел уже тишины и наслаждался всеобщим миром. Никто из соседей не дерзал прервать его спокойствия. Окруженный знаками побед и славы, Государь народов многочисленных, повелитель войска храброго мог казаться грозным и в самом усыплении старости.

Смерть Олега является почти полной тайной. Нестор датирует ее 912 годом, а Новгородская летопись – 922-м. Новгородский летописец сообщает, что князь погиб, когда «ходил за море», но не указывает, за которое именно. Возможно за Черное. Эта версия имеет непрямые подтверждения из одного хазарского документа конца X века о неизвестном нашим летописцам походе русского войска на Константинополь. Этот источник извещает, что князя Хельгу (Олега) разгромили хазары и принудили его осуществить морской поход под Царьград. Поход закончился неудачей – византийцы сожгли флот Олега «греческим огнем», сам же князь убежал в Персию, где и погиб.

Арабский географ и историк Ал-Масуди, живший в первой половине X века, извещает, что какие-то русы на 500 кораблях поплыли вверх по Дону, волоком перетянули ладьи на Волгу, спустились к ее устью и поплыли Каспийским морем на юг, вдоль западного побережья Закавказья. Ал-Масуди и другие арабские авторы, которым также был известен каспийский поход Олега, утверждают, что русы столкнулись с врагом (достовернее всего, с персами) и почти все погибли. По-видимому, тогда погиб и Олег. Этот поход знатоки творчества Ал-Масуди датируют 912–913 годами.

Зато «Повесть временных лет» содержит легенду о смерти князя от укуса змеи. «Волхвы, – так говорит летописец, – предсказали князю, что ему суждено умереть от любимого коня своего. С того времени он не хотел ездить на нем. Прошло 4 года:

в осень пятого вспомнил Олег о предсказании, и слыша, что конь давно умер, посмеялся над волхвами; захотел видеть его кости; стал ногою на череп и сказал: его ли мне бояться? Но в черепе таилась змея: она ужалила князя, и тот скончался…».

Народ стенал и проливал слезы. Олег не только ужасал врагов, он был еще любим своими подданными.

Присоединив к державе своей лучшие, богатейшие страны нынешней России, сей князь был истинным основателем ее величия.

Олег, княжив 33 года, умер в глубокой старости. Тело его погребено на горе Щековице.

Глава 5. Игорь

Игорь – великий князь Киевской Руси. Первый русский князь, известный по синхронным византийским и западноевропейским источникам. По версии историка В. Н. Татищева имя Ингор или Ингер происходит от эпонима финского племени Ижора, известного также как эст. Ingeri, что наиболее близко к имени князя в греческих и латинских источниках.

В 879 году, согласно «Повести временных лет» (начало XII века), умирает основатель древнерусской княжеской династии Рюрик, передав власть своему родичу Олегу. Рюрик оставил на попечение Олега малолетнего сына, Игоря. Когда в 882 году Олег подошел к Киеву, где правили варяги Аскольд и Дир, он хитростью выманил киевских князей из города и приказал убить их именем Игоря, которого летопись называет еще младенцем: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода. А это сын Рюрика». В русско-византийском договоре 911 года Олег назван «великим князем русским», то есть в документальном источнике он считался не регентом при Игоре, а полновластным правителем.

В 903 году Игорю привели жену из Пскова, Ольгу, будущую княгиню киевскую. Учитывая то, что сын Игоря и Ольги Святослав родился в 942 году, дата женитьбы Игоря выглядит крайне сомнительной. Когда Олег в 907 году отправился на Византию, то оставил Игоря наместником в Киеве. После смерти Олега Игорь в 913 году стал правителем Киевской Руси. Даты смерти Олега и, соответственно, начала правления Игоря, условны. В 914 году Игорь воевал с древлянами и возложил на них дань больше Олеговой.

В 915 году Игорь заключил мир с печенегами, которые впервые появились на Руси, проходя походом на Византию. Мир с печенегами долго не продержался, в 920 Игорь воевал с ними. Следующее известие о деяниях Игоря летопись относит к 941 году, походу на Царьград. С этого года свидетельства об Игоре впервые появляются в византийских источниках того времени (стал первым русским князем, названным по имени в не русских источниках).

Древнерусские летописи в рассказе о походе 941 года восходят к переводам Продолжателя Амартола, но также содержат следы народного предания, едва сохранившегося ко времени написания летописей. Продолжатель Феофана так начинает рассказ о походе: «11 июня четырнадцатого индикта [941 года] на десяти тысячах судов приплыли к Константинополю

росы…». Лиутпранд Кремонский, посол итальянского короля Беренгария в Византию в 949 году, замечает о более тысячи кораблей у «короля русов Ингере». Поход сложился неудачно для Игоря, в морском бою русский флот был частично уничтожен греческим огнем. После набегов на византийские земли и ряда поражений Игорь в сентябре того же года вернулся домой. Русский летописец передает слова уцелевших воинов: «Будто молнию небесную имеют у себя греки и, пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их». О впечатлении, произведенном этим набегом на византийцев, свидетельствует следующий факт. Имя Игоря стало единственным из русских имен, попавшим в византийский энциклопедический словарь X века, известный как Суда.

В 942 году у Игоря рождается Святослав, ставший через 3 года великим князем под опекой матери.

В 943 году (летописная дата 944 год, но историки считают доказанным 943) Игорь собрал новое войско из варягов (скандинавских наемников), руси (соплеменники Игоря), славян (поляне, словене, кривичи и тиверцы), печенегов и двинулся на Византию конницей по суше, а большей частью войска по морю. Предупрежденный заранее византийский император Роман выслал послов с богатыми дарами навстречу Игорю, который успел достичь Дуная. Одновременно Роман выслал дары печенегам. После совета с дружиной Игорь, удовлетворенный данью, повернул назад. Продолжатель Феофана сообщает о подобном событии в апреле 943 года, только противник византийцев, заключивший мир и повернувший назад без сражения, был назван как турки. Турками византийцы именовали обычно венгров, но иногда широко применяли название ко всем кочевым народам с севера (то есть под турками могли подразумеваться печенеги). Месяц апрель Константин Багрянородный упоминал в связи с началом навигации русов в Византию. В следующем 944 году, Игорь заключил военно-торговый договор с Византией. В договоре упоминаются имена племянников Игоря, его жены княгини Ольги и сына Святослава. Летописец, описывая утверждение договора в Киеве, сообщил о церкви, в которой приносили клятву варяги-христиане.

Осенью 945 года Игорь по требованию дружины, недовольной своим содержанием, отправился за данью к древлянам. Древляне не числились в составе войска, потерпевшего разгром в Византии. Возможно, поэтому Игорь решил поправить положение за их счет. Игорь произвольно увеличил величину дани прежних лет, при ее сборе дружинники творили насилие над жителями. На пути домой Игорь принял неожиданное решение: «Поразмыслив,

сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и похожу еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит» […] и древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружинников его, так как было их мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени».

Спустя 25 лет в письме Святославу византийский император Иоанн Цимисхий напомнил о судьбе князя Игоря, именуя его Ингером. В изложении Льва Диакона император сообщал о том, что Игорь отправился в поход на неких германцев, был захвачен ими в плен, привязан к верхушкам деревьев и разорван надвое. По преданию, изложенному в летописи, вдова Игоря, княгиня Ольга, жестоко отомстила древлянам. Она хитростью уничтожила их старейшин, перебила много простого народа, сожгла Искоростень и возложила на них тяжелую дань. Княгиня Ольга при поддержке дружины и бояр Игоря стала править Русью, пока подрастал маленький Святослав, сын Игоря.

В раннем памятнике древнерусской словесности, «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона Киевского (до 1050 г.), генеалогия русских князей прослеживается до Игоря. Всего спустя около 100 лет после гибели Игоря Иларион назвал его «древним Игорем». Игоря в ряду других прославленных князей поминает автор «Задонщины», поэтического творения конца XIV века:

«Той бо вещий Боян, воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русскыим князем: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичу и Святославу Ярославичу, Ярославу Володимеровичу…»

Так называемая Иоакимовская летопись, достоверность которой ставится под сомнение, сообщает дополнительные сведения о Игоре. Мать его была Ефанда, урманская (норманская) княжна и любимая жена Рюрика, получившая в приданое город Ижора. По мнению В. Н. Татищева имя «Ингорь», происходит от финского (ижорского) имени Ингер. Когда Игорь возмужал, князь Олег привел ему жену из Изборска, из знатного рода Гостомысла. Ее звали Пре-краса, но Олег переименовал в Ольгу. Были у Игоря потом другие жены, но Ольгу чтил более других. У Игоря, кроме Святослава, был еще сын Глеб, которого Святослав казнил за христианские убеждения. В остальном Иоакимовская летопись следует за «Повестью временных лет». В. Н. Татищев также

приводит даты рождения Игоря из различных списков: 875 в Раскольни-чем, 861 в Нижегородском, 865 в Оренбургском. В начале (913/914) и конце (943/944) правления Игоря русы совершили крупные морские походы в Каспийском регионе, о которых древнерусские летописи умалчивают. Хронологически возможно, что поход в 913/914 гг. повлиял на приход Игоря к власти, так как все его участники, согласно арабским авторам, были перебиты на Волге. По хазарским свидетельствам поход Игоря на Византию был связан с походом на Каспий в 943–945 гг., в котором, согласно хазарскому и арабскому независимым источникам, предводитель русов погиб. Хазарский источник сообщает о гибели именно «царя русов», именуя его Хель-гом. Византийское сообщение Льва Диакона о гибели Игоря от рук германцев лишь увеличивает неопределенность. Возможно, информатор Льва Диакона неправильно понял на слух этноним «древляне», как – «германе».

Византийский император Константин Багрянородный в сочинении «Об управлении империей», написанном в 949 году, заметил: «Моно ксилы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта Ро-сии…». Буквально эта фраза подразумевает то, что к 949 году Игорь был еще жив, так как по сочинению росы ежегодно по торговым делам приходили в Византию, и Константинополь был осведомлен о положении на Руси. По сведениям, изложенным Яном Стржедовским (в Sacra Moraviae Historia sive Vita SS. Cyrilli et Methudii.1710) в 949 году Игорь заключил союз с Олегом Моравским против Венгрии, но умер в том же году.

Глава 6. Ольга

Образ ее встает перед нами с начальных страниц «Повести временных лет». Веками ткалось кружево народных преданий о княгине Ольге как о деятельной, мудрой, «вещей» правительнице и защитнице земли Русской. Народные сказания, переплетаясь с историческими фактами, легли в основу появившегося в XIII–XIV вв. агиографического жизнеописания первой княгини-христианки. Оно возникло в период суровых испытаний, выпавших на долю русского народа, когда появились и другие жития реальных людей, любивших и защищавших Русскую землю.

Позднейшая легенда (XVI в.) передает сказание о том, как однажды киевский князь Игорь охотился в лесах у Пскова. Здесь он встретил на своем пути реку и, увидев стоявший у берега челн, попросил перевезти его. Перевозчиком оказалась крестьянская девушка Ольга. Игорь был поражен ее умом. Когда же он получил отпор на свои «стыдные словеса», то, согласно легенде, тогда же и посватался к ней. Сообщения летописи о происхождении Ольги имеют мало общего с бесхитростным народным повествованием. По летописной традиции, Ольга была «приведена» в Киев в качестве будущей жены Игоря его родственником («от рода ему сущий», сказано в летописи) князем Олегом из «Плескова» (Пскова). Вряд ли можно сомневаться в том, что она была псковитянкой из знатной семьи, а не крестьянской девушкой. У Ольги родился сын Святослав, впоследствии отец святого и равноапостольного князя Владимира.

Ольга была достойной женой киевского князя, имела в своем владении Вышгород, что под Киевом, села Будутино, Ольжичи и другие русские земли. Пока Игорь был в походах, Ольга занималась внутренней политикой русского государства. У Ольги была даже своя дружина и свой посол, который был третьим в списке лиц, участвовавших в переговорах с Византией, после удачного похода Игоря.

В 945 году от рук древлян погибает муж Ольги Игорь. Их сын Святослав был еще мал, и поэтому вся тяжесть управления государством ложится на плечи княгини. Древнерусский летописец подробно излагает месть Ольги за смерть мужа:

1-я месть княгини Ольги: Сваты, 20 древлян, прибыли в ладье, которую киевляне отнесли и бросили в глубокую яму на дворе терема Ольги. Сватов-послов закопали живьем вместе с ладьей. Ольга посмотрела на них из терема и спросила: «Довольны ли честью?». А они закричали: «Ох! Хуже нам Игоревой смерти».

2-я месть: Ольга попросила для уважения прислать к ней новых послов из лучших мужей, что и было с охотой исполнено древлянами. Посольство из знатных древлян сожгли в бане, пока те мылись, готовясь к встрече с княгиней.

3-я месть: Княгиня с небольшой дружиной приехала в земли древлян, чтобы по обычаю справить тризну на могиле мужа. Опоив во время тризны древлян, Ольга велела рубить их. Летопись сообщает о 5 тысячах перебитых древлян.

4-я месть: В 946 году Ольга вышла с войском в поход на древлян. По Новгородской Первой летописи киевская дружина победила древлян в бою. Ольга прошлась по Древлянской земле, установила дани и налоги, после чего вернулась в Киев. В «Повести Временных Лет» летописец сделал врезку в текст Начального свода об осаде древлянской столицы Искоростеня. По «Повести Временных Лет» после безуспешной осады в течение лета Ольга сожгла город с помощью птиц, к которым велела привязать зажигательные средства. Часть защитников Искоростеня были перебиты, остальные покорились.

После расправы с древлянами Ольга начинает активно заниматься внутренней политикой древнерусского государства. Вместо полюдья Ольга установила четкие размеры дани для земель, находившихся под властью Киева. Ольга установила «уставы и уроки», «становища и ловища», «погосты». Погосты – место сбора дани, как бы становились небольшими центрами княжеской власти. Смысл реформ княгини Ольги заключался в нормировании повинностей, централизации власти, ослаблении племенной власти. Долгое время Ольга приводила в действия эту реформу, оттачивая ее механизмы. Эта работа не принесла ей славы, не обросла легендами, зато имела большое значение в становлении русского государства. Теперь русское хозяйство имело административно-хозяйственную систему.

Во внешней политике, во время правления Ольги было затишье. Не было крупных походов, нигде не лилась русская кровь. Завершив внутригосударственные дела, Ольга решила позаботиться и о престиже Руси на мировой арене. И, если Ольгины предшественники Рюрик, Олег, и Игорь завоевывали авторитет для Руси с помощью силы, военных походов, то Ольга предпочитала пользоваться дипломатией. И тут особое значение приобрело крещение Ольги в православие. «Ольга с малых лет искала мудростью, что есть самое лучшее на свете этом, и нашла многоценный жемчуг – Христа».

Княгиня приняла православие и стала первой правительницей-христианкой на Руси. Историки спорят, где же приняла Ольга веру православную, в Киеве или в

Константинополе? Скорее всего, в Киеве Ольга только ознакомилась с христианством, а непосредственное крещение приняла уже в Византии, куда ее сопровождал киевский священник Григорий. Сам Византийский Император стал крестным отцом русской княгини. Такое положение дел резко повышало престиж Киева и возвышало княгиню среди прочих представителей других государств. Получить в крестники Византийского Императора дорогого стоит. Крещение Ольги не повлекло за собой введения христианства на Руси, но ее внук, Владимир Святославович, продолжит дело княгини.

Русь росла и укреплялась. Строились города, окруженные каменными и дубовыми стенами. Сама княгиня жила за надежными стенами Вышгорода (первые каменные здания Киева – городской дворец и загородный терем Ольги), окруженная верной дружиной. Внимательно следила за благоустройством подвластных Киеву земель – новгородских, псковских, расположенных вдоль реки Десна и др.

На Руси великая княгиня воздвигла храмы святителя Николая и Святой Софии в Киеве, Благовещения Богородицы в Витебске. По преданию, на реке Пскове, где она родилась, основала город Псков. В тех краях, на месте видения трех светоносных лучей с неба, был воздвигнут храм Святой Живоначальной Троицы.

Ольга пробовала приобщить к христианству Святослава. Он гневался на мать за ее уговоры, опасаясь потерять уважение дружины, однако «он и не думал прислушаться к этому; но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем».

Летописи считают Святослава преемником на русском престоле сразу же после смерти Игоря, поэтому дата начала самостоятельного его правления достаточно условна. Внутреннее управление государством он передоверял матери, находясь все время в военных походах на соседей Киевской Руси. В 968 году печенеги впервые совершили набег на Русскую землю. Вместе с детьми Святослава Ольга заперлась в Киеве. Вернувшись из Болгарии, он снял осаду и не пожелал оставаться надолго в Киеве. Уже в следующем году собрался уйти в Переяславец, но Ольга удержала его.

«Видишь – я больна; куда хочешь уйти от меня?» – ибо она уже разболелась. И сказала: «Когда похоронишь меня, – отправляйся куда захочешь». Через три дня Ольга умерла (11 июля 969), и плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди, и понесли, и похоронили ее на выбранном месте, Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника – тот и похоронил блаженную Ольгу.

Место погребения Ольги неизвестно. Во времена княжения Владимира ее стали почитать как святую. Об этом свидетельствует перенесение ее мощей в Десятинную церковь. Во время нашествия монголов мощи были сокрыты под спудом церкви. В 1547 году Ольга причислена к лику святой равноапостольной.

Глава 7. Святослав Игоревич

Святослав Игоревич – великий князь Киевский, сын княгини Ольги и князя Игоря Святославовича.

В 945 году после смерти отца Святослав в раннем возрасте остается с матерью Ольгой и приближенными воспитателями Асмудом и Свенельдом.

Святослав рос среди дружинников. Ольга, решив отомстить за смерть мужа, взяла ребенка с собой и, посадив его на коня, вручила копье. Он начал битву, символически бросив копье, которое пролетело между ушей коня и упало к его ногам. «Князь уже начал бой, последуем, дружина, за ним!». Поступок Святослава вдохновил дружинников, и русы выиграли битву.

Уже с 964 года Святослав правил самостоятельно. В 965 году, оставив княгиню Ольгу управлять Киевом, он отправился в поход. Всю дальнейшую часть жизни Святослав проводил в походах и сражениях, лишь иногда навещая родные края и мать, в основном в критических ситуациях.

В течение 965–966 гг. он подчинил себе вятичей, освободил их от дани хазарам, разгромив Хазарский каганат и волжских болгар. Это дало возможность взять под контроль Великий Волжский путь, который соединяет Русь, Среднюю Азию и Скандинавию.

В своих сражениях Святослав прославился тем, что прежде, чем напасть на врага, посылал гонца со словами: «Иду на вы!». Захватывая инициативу в конфликтах, он вел вооруженное наступление и добивался успеха. «Повесть временных лет» описывает Святослава «он передвигался и ходил, как пардус (то есть гепард), и много воевал. В походах же не возил за собой ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и, зажарив на углях, так и ел. Не имел он и шатра, но спал, подослав потник с седлом в головах. Такими же были и все прочие его воины».

Мнения историков в описании Святослава совпадают. Византийский хронист Лев Дьякон говорит о Святославе: «среднего роста и весьма строен, имел широкую грудь, плоский нос, голубые глаза и длинные косматые усы. Волосы на его голове были выстрижены, за исключением одного локона – знак благородного происхождения; в одном ухе висела золотая серьга, украшенная рубином и двумя жемчужинами. Вся наружность князя представляла что-то мрачное и суровое. Белая одежда его только чистотой отличалась от других русских». Такое описание подтверждает волевой характер Святослава и безумную его тягу к

захвату чужих земель.

Святослав считался язычником. Княгиня Ольга, приняв крещение, пыталась уговорить сына тоже принять христианство. Согласно летописи Святослав отказался и ответил матери: «Как мне одному принять иную веру? Дружина моя станет насмехаться».

В 967 году Святослав со своей дружиной разгромил войско болгарского царя Петра. Дойдя до устья Дуная, он «поставил» город Переяславец (Малый Переслав). Город так понравился Святославу, что он решил сделать его столицей Руси. По данным летописи он сказал матери: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей! Туда сходится все хорошее: из Греции золото, поволоки, вина и разные плоды, из Чехии и Венгрии серебро и кони, из Руси меха и воск, мед и рыбы». И даже есть данные, что он княжил в Переяславце и здесь же получил первую дань с греков.

Византийский император Иоанн I Цимисхий, находясь в сговоре с печенегами, был очень обеспокоен успехами русских войск и пытался ослабить соседей. В 968 году, узнав об утверждении Святослава в Болгарии, Иоанн заставил печенегов напасть на Киев. Князь оставил Болгарию и вернулся в Киев, на защиту своего города, где правила его мать. Святослав разгромил печенегов, но вероломство Византии не забыл.

У Святослава было три сына: первый Ярополк – рожден от первой жены, дочери или сестры венгерского короля, по другим данным – киевского боярина Предславы. Второй – Владимир. Считался незаконнорожденным. Прозван Красным солнышком. Мать – Малуши или Малфред, дочь древлянского князя Мала. Третий сын – Олег от жены Эсфири.

После смерти матери, в 968 году, Святослав передает внутренние дела своего государства подросшим сыновьям. Ярополку – Киев, Владимиру – Новгород, Олег получает древлянские земли (в данный момент район Чернобыля).

После ратных походов Святослава Игоревича (965–972) территория земли Русской увеличилась от Поволжья до Каспия, от Северного Кавказа до Черноморья, от Балканских гор до Византии. Он победил Хазарию и Волжскую Болгарию, ослабил и устрашил Византийскую Империю, открыл пути для торговли Руси с восточными странами.

В 970 году Святослав решил заключить договор с болгарами и с венграми против Византии. Собрав войско около 60 тысяч, он начал новый военный поход в Болгарию. По данным летописцев Святослав своими действиями привел болгар в ужас и тем самым повиновал их. Он занял Филиппополь, прошел Балканы, захватил

Македонию, Фракию и добрался до Константинополя. По преданию князь обращался к своей дружине: «Не посрамим земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвым не стыдно. Если же побежим – позор нам будет». После ожесточенных боев и крупной потери в 971 году Святослав взял все-таки укрепление византийцев и был вынужден подписать мирный договор с императором Иоанном Цимисхием. Возвращаясь в Киев, Святослав был подстережен печенегами и убит у днепровских порогов. Из его черепа, окованного золотом, была сделана чаша для пиров.

Глава 8. Политика Святослава Игоревича

В X в. руссы неоднократно проникали в район Закавказья, однако к середине X в. закрепиться там так и не смогли. Причины неудачи следующие: отдаленность захваченных ими в Прикаспии территорий, враждебность местного мусульманского населения, враждебность Хазарского каганата, закрывавшего водный путь по Дону и Волге. В 912 г. руссы просили хазар пропустить их ладьи, а на обратном пути большая их часть была перебита хазарами, волжскими булгарами и буртасами. Учитывая подобное отношение к ним хазар, следующий поход 945 г. руссы совершили в обход каганата и его союзников на Волге и Оке, т. е. посуху через Северный Кавказ.

Помимо вышеописанного встал вопрос об освобождении восточнославянских земель из-под влияния хазар и закреплении над ними власти Киева. Первую попытку здесь предпринял Олег, который в 885 г. направил посольство к сидевшим по берегам реки Сож радимичам, велев им не давать дани хазарам, а давать ему по шелягу с плуга или с сохи.

Византия издавна имела влияние в Северном Причерноморье. Каганат она использовала как проводник своей политики. Не обходилось, конечно, без конфликтов и столкновений, но в целом политические устремления империи и каганата совпадали. Не случайно в 834 г. греческие инженеры выстроили на нижнем Дону крепость Саркел (Белую Вежу). Греки предвидели возвышение Руси и стремились упредить ее экспансию.

Однако Русь начала действовать первой. Ликвидация Хазарского каганата имела для Киевской Руси большое внешнеполитическое значение. Во-первых, снималась угроза вооруженного нападения с востока. Во-вторых, разрушены были города и крепости, запиравшие торговые пути: Русь получила возможность вести широкую торговлю с Востоком, открыты были водные пути по Дону и Волге. В-третьих, племена, находившиеся раньше в зависимости от Хазарского каганата, попали теперь под влияние Киевской Руси, или были совсем к ней присоединены.

Поход на хазар Святослав начал с того, что в 964 г. вошел в земли вятичей. Скорее всего, никаких военных действий между руссами и вятичами не было: Святослав был заинтересован в дружелюбном тылу на период похода в земли хазар. В пользу этой точки зрения говорит и летопись, где нет упоминания о войне с вятичами: «И иде (Святослав) на Оку реку и на Волгу, и

налезе вятичи, и рече вятичемъ: “Кому дань даете?” Они же реша: “Козаромъ по щьлягу от рала даемъ”». Святослав провел в вятичских землях около года, разумеется, положенной дани хазары не получили.

В следующем году Святослав обрушился на земли давних союзников Хазарии – волжских булгар и буртасов. Разгромив их, он ударил теперь собственно по каганату: «Иде Святослав на козары. Слышавше же козары, изидоша противу съ князем своим Каганом, и съступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав коза-ром и град их и Белую Вежю взя. И ясы победи и касогы». Вслед за Итилем, который, скорее всего, упоминается в летописи как «град их», и Саркелом (Белая Вежа) войско руссов взяло Самкерц на Таманском полуострове и Семен-дер на Тереке.

Арабский летописец Ибн-Хаукаль рассказывает, что жители Поволжья и Приазовья просили, чтобы с ними заключили договор, и они бы покорились руссам. Этот факт говорит о том, что покорение Хазарии не было простым набегом с целью обогащения. Святослав Игоревич стремился оформить отношения с верхушкой поверженной Хазарии и Булгарии, определить характер власти на этих землях и при помощи договора утвердить зависимость данного региона от Киевской Руси.

В своей «Истории» Лев Дьякон упоминает Боспор Киммерийский (район современной Керчи) как «отечество» руссов, принадлежавшее им уже при Игоре. Если принять во внимание этот факт, а также то, что после покорения Хазарии Святослав основал княжество Тмутаракань (на п-ове Тамань), становиться очевидным главная цель похода против каганата. Влияние Киева в районе Северного Причерноморья стало все более возрастать. Земли Руси уже вплотную подошли к византийским владениям.

Завершил кампанию Святослав там, где она и была начата, – в землях вятичей. Под 966 г. летописец сообщает: «Вятиче победи Святослав, и дань на них възложи». Именно теперь, когда хазары были покорены и необходимость в дружественном тыле отпала, Святослав окончательно захватил власть в вятичской земле и обложил вятичей данью.

После поражения Хазарии и усиления влияния Киева в Северном Причерноморье земли Руси вплотную подступили к границам Византии. Возникла реальная угроза господству империи в Крыму. Если мы обратимся к трудам арабского хрониста Яхьи Антиохийского, то найдем там упоминание о том, что византийский император выступил в поход на болгар «и поразил их и заключил мир с руссами – а были они в войне с ним – и условился с ними воевать болгар и напасть на них». Открытый

разрыв мирных отношения Болгарии и Византии произошел в 966 г. Примерно в это же время император Никифор II Фока двинулся к болгарской границе и овладел приграничными городами. Но о какой войне с руссами говорит Яхья Антиохийский? Скорее всего, имел место конфликт в Крыму, и войско руссов угрожало Херсонесу. Император Никифор II Фока (963–969) никак не мог допустить потери Херсонеса, житницы империи, а также главного поставщика сушеной рыбы – основной пищи константинопольской бедноты. Необходим был срочный мир с Русью…

Было, правда, одно «но», которое Фока недосмотрел. В Киеве Калокир предложил Святославу союз: великий князь поможет патрикию взойти на престол Византии, а тот в свою очередь оставит за ним все завоеванные земли и выдаст огромную сумму из имперской казны. Святослав знал о том, как греки выполняют условия договора (да еще с «варварами»), знал, что борьбы с империей не избежать, и поэтому заключил тайное соглашение с патрикием.

При Святославе был заключен и русско-византийский договор между Русью и империей. Святослав торжественно клялся не посягать ни на земли самой империи, ни на Херсонес (этот пункт был уже в договоре 944 г., поэтому повторение в договоре 971 г. можно считать как его усиление), ни на Болгарию. Русь и империя подтвердили действие не только одного какого-то договора, но всех русско-византийских соглашений, а прежде всего соглашения 907 г., в котором было сформулировано условие об уплате Византией дани Руси. Святослав не только отказался от агрессии по отношению к империи своими силами или силами русских союзников, он также подтвердил пункт договора 944 г. об оказании военной помощи Византии по просьбе последней.

Таким образом, внешняя политика Святослава Игоревича явилась закономерным продолжением политики Олега и Игоря по усилению позиций Киевской Руси в Северном Причерноморье, на восточных торговых путях, на Балканах. Стараниями Святослава был уничтожен опасный противник Руси в Северном Причерноморье – Хазарский каганат. А договор с жителями отвоеванных у Хазарии территорий еще больше упрочил позиции Руси здесь.

Создав угрозу Херсонесу, Святослав заставил Византию пойти на заключение с ним тайного договора 967 г. Но он вел не простую игру. Оказавшись в Нижнем Подунавье, Святослав Игоревич попытался закрепиться в этом регионе и перетянуть антирусски настроенную Болгарию на свою сторону. Когда же

русско-византийские отношения еще больше обострились, киевский князь пошел на решительный шаг – открытую войну с империей с целью поставить ее в зависимое положение от Руси. Эту кампанию Святослав проиграл. Русь потеряла завоевания на Балканах, однако смогла сохранить очень важное для себя Северное Причерноморье. Византия признала завоевания Руси в этом регионе.

Глава 9. Владимир Красное Солнышко

Существует много версий, почему князю Владимиру дали такое прозвище. До того как князь крестил Русь, он был верховным жрецом Даждьбога – бога солнца. Поэтому такое прозвище могло быть отголоском языческого прошлого. С другой стороны во многих культурах верховная власть связана с образом солнца, и это была просто традиционная метафора.

Образ Владимира Красна Солнышка встречается, прежде всего, в былинах и является обобщающим. В нем объединены черты и Владимира Крестителя, и Владимира Мономаха, и многих других князей. К тому же, былинный образ Владимира очень противоречив. Там он зачастую выступает трусливым и подлым, проигрывает свой город переодетой женщине. Об истории тех времен мы узнаем из летописей и памятников устного народного творчества, а они зачастую лишены объективности. Поэтому очень трудно определить, каким же на самом деле был князь Владимир. Тем не менее, в народной памяти сохранился и позитивный образ князя – человека, принесшего на Русь новую веру, боровшегося с неграмотностью и невежеством, совершавшего неведомые доселе благодеяния.

С именем великого князя Владимира Святославича связано выдающееся событие в истории нашей страны: КРЕЩЕНИЕ РУСИ! Христианство, пришедшее на смену язычества, обновило Русь и указало ей новую историческую дорогу: ведь вместе с христианством на Русь пришли письменность и книжное просвещение на родном славянском языке…

Поначалу Владимир был ярым приверженцем язычества. Он установил на киевских холмах новые статуи языческих идолов: главного языческого бога Перуна с серебряной головой и золотыми усами, а рядом с ним Хорса, Даждьбога, Стрибога, Мокошь. Идол Перун был также поставлен и в Новгороде. Этим идолам приносились жертвы, и не раз русская земля обагрялась невинной кровью. Один из случаев кровавого жертвоприношения описан в летописи.

Возвратившись в 983 году в Киев из похода после победного завоевания страны ядвигов (латышей), Владимир решил принести жертву языческим идолам. Старцы и бояре подсказали: «кинем жребий на отроков и девиц: на кого он падет, того принесем в жертву богам». Жил в это время в Киеве один варяг, который побывал в Греции и принял там христианскую веру. Вот на его-то

молодого сына и пал слепой жребий. Но старый варяг отказался отдавать сына: «У вас не боги, а дерево: нынче есть, а завтра сгниют; не едят, не пьют, не говорят, не дам сына своего бесам!». Разъяренная толпа растерзала и отца, и сына. Эти люди, таким образом, были первыми и последними мучениками христианства в языческом Киеве. Церковь наша чтит их под святыми именами Феодора и Иоанна.

Предания рисуют Владимира-язычника человеком жестоким, кровожадным, безнравственным, утопающим в чувственных наслаждениях. Особенно поражает его необузданное женолюбие: у него было 300 наложниц в Вышгороде, 300 в Белгороде, 200 в селе Берестове. Среди его наложниц была и вдова убитого им брата Яро-полка, Юлия, которую он взял себе беременной, и которая родила ему Святополка. Кроме того, Владимиру часто приводили для растления замужних женщин и девочек. Языческая вера разрешает многоженство. У Владимира было пять законных жен, среди которых первой супругой была Рогнеда, взятая им в жены насильно.

Возможно, летописцы сознательно рисуют Владимира-язычника только черными красками, чтобы более ярко показать чудотворное воздействие на него христианской веры. Начав сомневаться в разумности язычества, Владимир стал искать истину в других верах. На Руси в течение длительного времени постепенно укоренялось христианство. Христианкой умерла и бабка Владимира, Ольга.

Представители соседних народов пытались склонить Владимира каждый в свою веру, чтобы сделать великого князя единоверцем. Летопись рассказывает вот что: «Пришли к Владимиру магометане и сказали ему: «Ты – князь мудрый, а истинной веры не знаешь. Прими нашу веру и поклонись Магомету». «Какая же ваша вера?» – спросил Владимир. Описание магометова рая пленило воображение князя, однако он отверг магометанство за то, что обрезание казалось ему ненавистным обрядом, а запрещение пить вино – уставом безрассудным. «Вино, – сказал он, – есть введение для русских; не можем мы быть без него». Затем явились к Владимиру немцы, послы от папы, католического патриарха. Великий князь отослал их обратно: «Идите обратно: отцы наши не принимали веры от папы». Выслушав иудеев, он спросил, где их отечество. «В Иерусалиме, – отвечали проповедники, – но Бог во гневе своем расточил нас по всем землям чуждым». «И вы, наказанные Богом, дерзаете учить других? – сказал Владимир. – Мы не хотим, подобно Вам, лишаться своего Отечества».

Для окончательного решения, какую веру принять для Руси,

государь послал десять благоразумных людей в разные страны. Послы видели скудные магометанские храмы «с унылыми молениями и печальными лицами верующих»; богослужения католические «с обрядами без всякого величия и красоты». Наконец, в константинопольском христианском храме священная важность и таинственность обрядов среди богатых одежд духовенства, красоты икон, благоухания фимиама и сладостного пения клироса покорили русских посланников. Им показалось, что «Сам Всевышний обитает в сим храме и непосредственно с людьми соединяется». Возвратясь в Киев, послы сказали Владимиру: «Когда бы закон греческий не был лучше других, то бабка твоя Ольга, мудрейшая из всех людей, не вздумала бы принять его». Великий князь решился стать христианином. Конечно, он мог креститься и в Киеве, где давно уже были и церкви, и христианские священники. Но он хотел сделать это с блеском и величием, достойным великого князя и Руси. Он решил «завоевать Христианскую веру и принять ее святыню рукой победителя». В 988 году Владимир, захватив греческий город Херсонес, послал сказать греческим императорам Василию и Константину: «Я взял ваш славный город; слышу, что у Вас сестра в девицах; если не отдадите ее за меня, то и с вашим городом будет то же, что и с Херсонесом». Императоры отвечали: «Не следует христианам отдавать родственников за язычников, но если крестишься, то и сестру нашу получишь». Владимир ответил согласием. Не хотелось греческой царевне ехать в незнакомую пугающую страну. «Иду точно в полон. Лучше бы мне здесь умереть». Братья утешали ее: «А что, если Бог обратит тобою Русскую землю в покаяние, а Греческую землю избавит от лютой рати; видишь, сколько зла наделала Русь грекам». И Анна покорилась.

В Херсонесе Владимир крестился, приняв в христианстве имя Василий. Летописи повествуют, что болевший глазами и потерявший зрение князь во время крещения прозрел. Вслед за крещением состоялся брак его с Анной, родившей впоследствии Владимиру сыновей, Бориса и Глеба. По возвращении в Киев Владимир крестил своих сыновей и народ. По некоторым сведениям, всенародное Крещение Руси было совершено в Киеве 1 августа 988 года. Сам великий князь с митрополитом и греческими священниками, прибывшими из Корсуня, присутствовал при крещении. Устремив в радости и восторге взор на небо, Владимир громко произнес молитву: «Творец земли и неба! Благослави сих новых чад твоих; дай им познать Тебя, Бога Небесного! Утверди в них веру правую! Будь мне помощью в искушениях зла, да восхвалю достойное Святое Имя Твое…». «В

сей великий день, – говорит летописец, – земля и небо ликовали». Обнаженные люди всякого возраста и пола после погружения в воду и выполнения обряда крещения получали новые имена. Языческие идолы были низвергнуты. Одних сожгли, других рассекли на части. Главного идола, Перуна, привязали к лошадиному хвосту и потащили с горы в Днепр. При этом двенадцать человек били истукана палками на поругание бесу, который этим именем прельщал народ.

После крещения киевлян великий князь приступил к искоренению язычества на Руси и принялся ревностно истреблять языческих идолов. На их местах устанавливались христианские храмы, богослужение в которых шло по книгам, переведенным с греческого на славянский святыми братьями Кириллом и Мефодием. Вероятно ими же была переведена на славянский язык и наша Библия. Сначала готовые церковные книги шли на Русь из Болгарии, а потом, когда и между русскими появились грамотные люди, книги стали переводиться и на Руси. Таким образом, вместе с христианством пришла на Русь и грамотность.

Для ускорения распространения новой веры и просвещения русских великий князь приказал брать детей у состоятельных родителей и обучать их грамоте. Благодаря этому на Руси за последующие два десятилетия выросло новое поколение людей, ставших проводниками просвещения и христианства в Отчизне. Много стал заботиться Владимир о больных и бедных. Он созывал на княжеский двор народ отовсюду; кормил, поил всех пришедших, а для тех, кто не в состоянии был приходить на княжеский двор, приказывал развозить еду по городу.

Интенсивно занимался Владимир и строительством церквей, для чего из Греции были вызваны «каменосечцы и созидатели палат каменных», а также те, кто раскрашивал новые постройки. В самом Киеве князь построил церковь св. Василия и церковь Богородицы, так называемую Десятинную, получившую название оттого, что князь назначил на ее содержание и содержание духовенства десятую часть княжеских доходов. Десятинная церковь была построена на том самом месте, где в 983 году пострадали за христианскую веру отец и сын – святые Феодор и Иоанн.

Многое сделал Владимир и для укрепления Русского государства, подчинив своему влиянию целый ряд славянских племен, живших на востоке от великого водного пути «из варяг в греки». Он распространил пределы своей державы от Балтийского моря на севере до реки Буг на юге.

Особенно много хлопот и забот доставляли тогда русским степные варвары-печенеги, став для Отчизны настоящим

бедствием. В 993 году Владимир выступил против них. Летописец рассказывает, что когда русское войско встретилось с печенегами на берегах Трубежа, князь печенежский предложил Владимиру решить судьбу битвы поединком своих богатырей. «Ежели русский убьет печенега, то обязан тогда я три года не воевать с вами; а ежели наш победит, то мы вольны три года опустошать твою землю». И поединок состоялся. Против страшного великана-печенега вышел малорослый юный русич, который неожиданно крепкими мышцами своими даванул печенега и мертвого ударил о землю. Воспрянувшая духом княжеская дружина бросилась на войско печенегов, которое едва спаслось бегством. В память об этом событии Владимир заложил на берегах Трубежа город и назвал его Переяславлем, ибо юноша русский «переял» у врагов славу. Для ограждения Руси от нападения чужеземцев по указанию Владимира строились оборонительные рубежи с новыми городами и крепостями. А чтобы предупреждать нападения незваных гостей, по окраинам Руси беспрестанно несли службу воины-богатыри. Дружины богатырские своими подвигами во имя Родины оставили в ее памяти неизгладимый след: из поколения в поколения передавались и передаются былинные легенды об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче и других чудо-богатырях…

Необычной была жизнь у первого крестителя Руси. Много изустных сказаний, легенд и выдумок ходило о нем в связи с его необычной государственной, духовной и личной жизнью. Великий князь был известен своим хлебосольством и дружелюбием с соседями. Сам Папа Римский, но преданию, не прочь был принять Русь под свое начало. Дунайская Болгария и Греция охотно торговали с русскими купцами… Все говорило о благополучии страны и силе ее великого князя. Но судьба не пощадила Владимира в старости. В 1014 году сын его Ярослав, княживший в Новгороде, отказался присылать в Киев по две тысячи гривен, как делали это ранее все новгородские посадники, Владимир сказал: «Исправляйте дороги и мостите мосты». Он готовился к походу против Ярослава, но разболелся и умер 15 июля 1015 года, горько оплакиваемый народом. Тело Владимира Святославича было заключено в мраморную раку и поставлено в центре киевского храма Богородицы рядом с гробницей его супруги Анны.

Русская православная церковь причислила князя Владимира к лику Святых, назвав его Равноапостольным!

Глава 10. Ярослав Мудрый

Ответ на вопрос, почему Ярослава прозвали Мудрым, кроется не только в любви князя к книгам и церкви, но и его великих деяниях, сделавших Русь одним из сильнейших государств. Правда, появилось это прозвище относительно недавно, во второй половине 19 века. Во времена своего правления князь был известен как «Хромец». Он действительно был хром, но этот недостаток считался признаком особой силы и ума. И краткая биография князя Ярослава Мудрого подтверждает, что эти качества были присущи ему в полной мере.

По версии событий, нашедшей отражение в «Повести временных лет», киевский престол захватил туровский князь Святополк I Окаянный, сводный брат Ярослава Владимировича. Желая устранить возможных соперников, Святополк убивает братьев, князей ростовского Бориса, муромского Глеба, древлянского Святослава; пытается убить и Ярослава, но его вовремя предупреждает об опасности сестра Предслава.

По другой версии, в крови братьев был повинен не Святополк, а Ярослав, что подтверждается некоторыми западноевропейскими источниками. Заручившись поддержкой новгородцев, Ярослав в декабре 1015 в битве под Любечем одерживает победу над Святополком и захватывает Киев. Но Святополк не смирился с поражением, и в 1018 он вместе со своим тестем, польским королем Болеславом Храбрым, вторгся в пределы Руси. На этот раз удача сопутствовала Святополку, который сумел нанести поражение Ярославу в сражении при Буге и отбить Киев. Ярослав бежал в Новгород, откуда намеревался отправиться в Скандинавию. Но новгородцы порубили княжеские ладьи и вынудили Ярослава продолжить борьбу. В битве на Альте в 1018 Святополк потерпел сокрушительное поражение, и Ярослав вновь занял Киев. После победы над Святополком Ярослав начал борьбу с другим своим братом тмутараканским князем Мстиславом, также предъявлявшим права на киевский престол. В сражении под Лиственом в 1024 победа была на стороне Мстислава, но он разрешил Ярославу княжить в Киеве. Все же Ярослав не решился принять предложение брата и продолжал оставаться в Новгороде, направив в Киев своих посадников. В 1025 по заключенному у Городца мирному договору Ярослав получил Русскую землю на запад от Днепра, с центром в Киеве, а Мстислав – восточную часть, с Черниговом. Лишь после смерти Мстислава в 1035 Ярослав становится «самовластцем» на Руси.

После Лиственской битвы деятельность Ярослава в основном

связана с просветительством и христианизацией Руси. Возможно, одной из причин отказа Ярослава от привычной для князя военной деятельности стала тяжелая травма, полученная им во время борьбы с братьями: обследование останков Ярослава показало, что у него была перерублена нога, из-за чего князь должен был сильно хромать и в конце жизни вряд ли мог обходиться без посторонней помощи.

В 1036–37 годах по его приказу были построены мощные крепостные укрепления («город Ярослава»), Золотые ворота с надвратной церковью Благовещения, храм св. Софии, а также основаны монастыри св. Георгия и Ирины. Прообразами этих построек были архитектурные сооружения Константинополя и Иерусалима; они призваны были символизировать перемещение в Киев центра православного мира.

Завершение строительства совпало с созданием «Слова о Законе и Благодати», которое было произнесено 25 марта 1038. Тогда же была написана первая русская летопись – так называемый «Древнейший свод». В «Повести временных лет» содержится похвальный отзыв о просветительской деятельности Ярослава. По свидетельству летописи, князь позаботился о переводе на русский язык многих греческих книг, которые составили основу библиотеки, созданной им в храме Софии Киевской. Ярославу приписывается также составление первого русского законодательного акта «Русской Правды». После Лиственской битвы деятельность Ярослава в основном связана с просветительством и христианизацией Руси. Возможно, одной из причин отказа Ярослава от привычной для князя военной деятельности стала тяжелая травма, полученная им во время борьбы с братьями: обследование останков Ярослава показало, что у него была перерублена нога, из-за чего князь должен был сильно хромать и в конце жизни вряд ли мог обходиться без посторонней помощи.

В области внешней политики Ярослав добивался укрепления международного авторитета Древнерусского государства. По его инициативе новгородский князь Владимир I Ярославич 1043 предпринял последний крупный поход Руси на Византию, однако, закончившийся неудачей. Около 1050 году в Киеве был поставлен первый митрополит из русских – Илларион, отстаивавший независимость русской епархии от Константинополя. Кроме того, многие дети Ярослава были связаны семейными узами с представителями правящих династий Центральной и Западной Европы.

Летописные данные по поводу смерти Ярослава противоречивы; считается, что он скончался 20 февраля 1054

года, однако, многие исследователи называют иные даты. Перед смертью Ярослав завещал киевский престол старшему из оставшихся в живых сыновей, новгородскому князю Изяславу, наказывая сыновьям жить в мире. Но после его смерти наступила очередная кровопролитная усобица.

Глава 11. Владимир «Мономах»

Владимир Всеволодович Мономах, в крещении Василий, – великий князь Киевский, внук Ярослава Мудрого и сын великого киевского князя Всеволода I Ярославича и византийской принцессы Марии, от отца которой императора Константина IX Мономаха и унаследовал свое почетное родовое прозвище «Мономах» (в переводе с греческого – «единоборец»).

Он был крупнейшим политическим и военным деятелем Руси на рубеже XI и XII веков и, вместе с тем, выдающимся писателем, чьи произведения строго следовали его политической программе и направлению его покровительства литературной, летописной, законодательной работе своего времени и пропаганде политических идей.

В XI веке, особенно во второй его половине, развивается феодальная раздробленность Руси. Каждый князь претендует на самостоятельное управление своей отчиной. Владимир Мономах не был противником все углублявшегося деления Русской земли на отдельные княжества, но стремился при этом сохранить политическое, военное и культурное единство Руси на новой моральной основе: на основе договоров о союзах князей между собой, скрепляемых целованием креста, взаимными обещаниями и сохранением за собой отчин без посягательств на отчины соседей. Свою идею союзов Владимир Мономах постоянно высказывал на княжеских съездах (1097, 1100 и 1103 гг.).

Владимир Мономах устанавливает культ князей братьев Бориса и Глеба, безропотно подчинившихся своему старшему брату Святополку и погибших от руки подосланных им убийц. Культ Бориса и Глеба должен был подать пример всем князьям полного, до самой мученической кончины подчинения старшему князю, и вместе с тем резко осудить старшего князя – Святополка Окаянного, не пожелавшего считаться с правами младших. Тем самым Владимир Мономах как бы выступал против принципа единодержавия на Руси, изображая это единодержавие в известных обстоятельствах преступным и братоубийственным.

Стремясь к миру и добровольному единству Руси при одновременном наличии многих ее «держателей», Владимир Мономах покровительствовал летописанию, напоминая об историческом единстве княжеского рода и пропагандируя легенду о происхождении всех русских князей от одного князя – Рюрика.

Владимир Мономах стремился к единению Древней Руси, а произойти это могло только с прекращением княжеских междоусобиц, истощавших военные силы русских. Это удавалось

ему далеко не всегда, а если получалось, то на непродолжительное время. Порой ему приходилось вооруженной рукой, в союзе с другими князьями, наказывать ослушников. Но все это делалось не с целью расширения собственных владений, а для укрепления русских княжеств перед общей опасностью в лице противников.

Кроме того, что Владимир Мономах являлся крупнейшим военно-политическим деятелем Киевской Руси, он был и глубоким религиозно-философским мыслителем. Хорошее образование позволяло ему прекрасно ориентироваться в литературе. Об этом свидетельствует его знаменитое «Поучение» – наказ, завещание, которое Владимир Мономах предназначал для своих потомков.

«Поучение» – это первая в нашей истории настоящая, очень подробная автобиография, помимо прочего представляющая собой выдающийся памятник древнерусской литературы, политической и религиозно-философской мысли.

Текст «Поучения» показывает, насколько глубоко к началу XII века христианское миросозерцание проникло в души и сердца мирских людей. Ведь, по сути дела, «Поучение» Владимира Мономаха – это первое русское христианское сочинение, написанное светским человеком, а не монахом или священнослужителем.

Все основные идеи «Поучения» Владимира Мономаха – глубоко христианские. И главный наказ, который он обращает к своим потомкам, заключается в том, чтобы они всей душой приняли и исполняли правила христианского благочестия, хранили в своих сердцах истинную веру. И тогда у них сохранится надежда на избавление от грехов, обретения вечного спасения и вечную жизнь в Царствие Небесном, которая окрыляет душу всякого христианина и составляет главную цель земного бытия.

В «Поучение» Владимира Мономаха перед нами разворачивается настоящая, яркая и образная картина христианского благочестия. И это тоже не случайно. Ведь одна из целей «Поучения» – показать идеальный образ христианского властелина. Покаяние, милосердие, молитва, попечение о слабых, справедливость, упование на Бога объявляются Владимиром Мономахом теми «малыми делами», которые доступны всем, и которые должны служить основными принципами управления государством: «Да то вы, дети мои, не тяжька заповедь Божья, оже тееми делы 3-ми избыти грееховъ своихъ и Царствия не лишитися». Среди этих принципов – и обязательный союз с Церковью, уважительное отношение к священнослужителям. Но

при этом, Владимир Мономах постоянно делает акцент на главной для него в этом случае идее, – инициатива истинного христианского благочестия должна исходить от правителя.

Во время великого княжения Владимира Мономаха в Киеве и других городах было построено много больших и красивых храмов, переведено на славянский язык немало византийских (греческих) книг. Летописи приписывают ему важные дополнения к «Русской Правде» – своду древнерусских законов, действовавших на протяжении многих столетий. При нем Древнерусское государство достигло вершины своего могущества и расцвета.

Последние годы своей жизни Владимир Мономах посвятил государственному устройству Киевской Руси, которую поделил между сыновьями-наследниками. Он наказал им быть послушными старшему из них, правившему в стольном граде Киеве. Великий ратоборец Руси мечтал видеть своих сыновей сильными удельными правителями, подчиненными во всех больших делах великому киевскому князю. Его главенство должно было не только символизировать единство русских земель, но и оберегать ее от княжеских междоусобиц и кочевых народов Дикого поля.

Владимир Мономах стремился облегчить положение простых русских людей, боролся с еврейским ростовщичеством, дополнил и пересмотрел «Русскую Правду». Весной 1113 года в Киеве разразилось народное восстание, во время которого были разгромлены дома евреев-ростовщиков. После этого восстания князь Владимир запретил высокий ссудный процент. Более того, он велел выслать всех «жидов». В законе, установленном им, заявлялось: «Ныне из всей Русской земли всех жидов выслать и впредь их не впущать; а если тайно войдут – вольно их грабить и убивать».

Прокняжив в столице тринадцать лет, Владимир Мономах скончался 19 мая 1125 года и был погребен в Киевской Софии рядом с гробом отца. Владимир Мономах оставил пять сыновей и супругу третьего брака. И современники, и потомки весьма прославляли его имя, ибо это был князь, много потрудившийся за Русскую землю.

Княжение Владимира Мономаха на Киевском столе было временем политического и экономического усиления Руси. Он постоянно боролся за единство Руси и сумел объединить под своей властью многие земли Древнерусского государства и прекратить княжеские междоусобицы.

Владимир Мономах стал в истории Киевской Руси третьим величайшим устроителем земли Русской после Владимира

Святого и Ярослава Мудрого. В народном создании образ его совмещался с образом Владимира Святого, и в некоторых былинах он назван, как и креститель Руси, Владимиром Красное Солнышко.

Идеи, проповедуемые Владимиром Мономахом, были очень популярны в Древней Руси. А сам образ Владимира Мономаха, князя-воина и князя-мыслителя, постоянно присутствовал в древнерусской литературе. Более того, в XVI веке, когда встал вопрос о принятии московскими великими князьями царского титула, именно Владимир Мономах, как внук константинопольского императора, стал важнейшим звеном в генеалогическом древе, обосновывающим царские претензии московских государей. И недаром, царский венец, которым стали венчаться на царство, получил название «шапки Мономаха», хотя, как известно, не имел к историческому Мономаху абсолютно никакого отношения.

Глава 12. Юрий Долгорукий

Летописи и иностранные хроники упоминают более 300 древнерусских городов и крепостей. Среди них Лавреньтьевской летописью под 1147 г. впервые названа Москва. Москва возникла в пору расцвета Древней Руси, когда Владимир Мономах направил своего сына Юрия наместником северо-восточного края, связанного торговыми путями со Смоленском, Новгородом, Полоцком и с соседней мусульманской Булгарией. Москва как город складывалась в кругу ранее известных местных центров, таких, как Ростов, Суздаль, Ярославль, Владимир. Москву Юрий велел укрепить деревянной крепостью – Кремлем. Она стала одним из важных княжеских центров Владимиро-Суздальской Руси. Во время смут князей новая крепость была и сборным пунктом их войск, и объектом их взаимных споров.

Образ князя Юрия мы можем представить себе только по немногочисленным художественным и историческим произведениям.

Князь Юрий, первый правитель богатого края и основатель Москвы, явно обнаружил стремление к единодержавию на Руси, пытаясь распространить свою власть на главные города севера и юга страны – Новгород и даже Киев. За это он и получил прозвище Долгорукий.

Н. М. Карамзин в своей «Истории государства российского» описывает его так: «… Георгий (Юрий) властолюбивый, но беспечный, прозванный Долгоруким, знаменит в нашей Истории гражданским образованием восточного края древней России, в коем он провел все цветущие лета своей жизни. Распространив там Веру Христианскую, сей Князь строил церкви в Суздале, Владимире, на берегах Нерли…, оживил дикие мертвые пустыни знамениями человеческой деятельности; основал новые селения и города… Но Георгий не имел добродетелей великого отца; не прославил себя в летописях ни одним подвигом великодушия, ни одним действием добросердечия, свойственного Мономахову племени. Скромные летописцы редко говорят о злых качествах государей, усердно хваля добрые; но Георгий без сомнения отличался первыми, когда, будучи сыном Князя столь любимого, не умел заслужить любви народной».

Судя по описанию Карамзина, князь Юрий, несмотря на ряд полезных для государства дел, – основание Москвы, хозяйственное укрепление Суздальского рубежа, постройка церквей и пр., – был ничем не лучше многих других князей: был честолюбив, стремился всеми правдами и неправдами получить

верховную власть в Киеве, не пользовался любовью народа.

Юрий Долгорукий является одной из самых беспокойных и противоречивых фигур в русской истории. Будучи сыном Владимира Второго Мономаха, Великого князя Киевского, он не желал довольствоваться малым и постоянно стремился завоевать Великокняжеский престол и различные уделы. Именно за это и был прозван Долгоруким, то есть имеющим долгие (длинные) руки.

Еще ребенком Дмитрий был отправлен со своим братом Мстиславом княжить в город Ростов. С 1117 года он стал княжить единолично. С начала 30-х гг. Дмитрия Долгорукого стало неудержимо тянуть на юг, поближе к престижному киевскому престолу. Уже в 1132 году он захватывает Переяславль Русский, но смог усидеть там лишь 8 дней. Его попытка задержаться в Переяславле в 1135 году тоже не удалась.

С 1147 года Юрий постоянно вмешивается в междукняжеские распри, пытаясь отнять у племянника своего Изяслава Мстиславича город Киев. За свою долгую жизнь Юрий Долгорукий много раз совершал попытки нападения на Киев и 3 раза им овладевал, но в общей сложности не сидел на Киевском престоле и 3-х лет. Из-за жажды власти, корысти и жестокости он не пользовался уважением у киевлян.

Впервые Юрий Долгорукий занял Киевский престол в 1149 году, когда им были разбиты войска Киевского князя Изяслава Второго Мстиславича. Под его контролем оказались также княжества – Туровское и Переяславское. Своему старшему брату Вячеславу он отдал Вышгород, но, тем не менее, традиционный порядок наследования по старшинству был нарушен, чем и воспользовался Изяслав. С помощью венгерских и польских союзников Изяслав в 1150–51 годах возвратил себе Киев и сделал Вячеслава соправителем (фактически продолжая управлять от его имени). Попытка Юрия Долгорукого отвоевания Киева закончилась поражением на реке Руте в 1151 году.

Второй раз Юрием Долгоруким была получена власть в Киеве в 1155 году, когда он изгнал из Киева захватившего власть Изяслава III Давидовича, заручившись согласием Великого князя Киевского Ростислава. После этого события звание Великого князя Киевского князь Ростислав уступил Юрию Владимировичу Долгорукому.

С 1155 года третья попытка увенчалась успехом, Юрий Долгорукий был правителем в Киеве до самой своей смерти в 1157 году. В летописи говорится о том, что был он человеком завистливым, честолюбивым, хитрым, но и храбрым. Не пользуясь особой любовью народа и князей, смог завоевать все же

репутацию не только искусного воина, но и не менее умного правителя.

Мечта всей жизни Юрия Долгорукого – стать Великим князем Киевским в итоге осуществилась, однако в истории и в памяти потомков он остался основателем совсем иного города. В 1147 году, именно по распоряжению Юрия Владимировича Долгорукого, для охраны границ, на никому неизвестной окраине Северо-Восточной Руси, был основан город, который и до сегодняшнего времени носит название Москва. Небольшое село стояло на высоком холме у слияния трех рек, что показалось великому князю самым подходящим для сооружения сторожевого острога. Москву Долгорукий можно сказать создал но не нужно забывать что он оставался князем Киевским. И там шли свои дела, которые тоже лежали на плечах Юрия.

Долгорукий решал важнейшие для того времени проблемы. И нельзя обойти стороной преодоления им глубокого кризиса, поразившего церковную иерархию Киевской Руси.

В 1147 году по воле великого князя киевского Изяслава Мстиславича, ярого противника Юрия, и по инициативе Черниговского епископа Онуфрия в Софии Киевской был созван церковный собор, на котором на митрополичью кафедру был избран Клим Смолятич. Собор считался неканоническим и всеобщей поддержки не имел.

После утверждения Юрия Долгорукого на великокняжеском Киевском престоле Клим Смолятич был смещен. В столицу Византийской империи Юрий направил послов, которые помимо известия о вокняжении Юрия Владимировича на Руси, передали его просьбу к императору Мануилу Комнину и Константинопольскому патриарху Константину IV Хлиарину о назначении на Русскую кафедру нового митрополита.

Император Мануил тут же признал Юрия в качестве законного Киевского князя. Византийский историк Иоанн Киннам писал, что Юрий (Георгий) «занимал первое место» (в другом переводе: «обладал старшинством») «между филархами (правителями) Тавроскифии (Руси)».

С именем Юрия Долгорукого связано появление на Руси ее главной святыни – Владимирской иконы Божией Матери. Когда Юрий правил в Киеве, патриарх Цареградский прислал великому князю образ Богоматери, написанный евангелистом Лукой. Икона была поставлена в девичьем монастыре, в Вышгороде, который в древности был удельным городом благоверной княгини Ольги. Андрей Боголюбский, покидая Вышгород, вывез чудотворную икону в Суздальскую землю. Для нее он возвел Успенский храм во Владимире, и с тех пор икона именуется Владимирской.

Владимирская икона Божией Матери стала почитаться как заступница Русской земли и покровительница основанной Юрием Долгоруким Москвы.

В 1156 году из Константинополя прибыл на Русь новый митрополит Константин, поставленный в Киев согласно канонам Православной Церкви. Юрий Владимирович неутомимо стремился к единству Северной и Южной Руси. Сначала ему это удалось, но вскоре противники его, претендовавшие на великокняжескую власть, почувствовали, что сын Мономаха мечтает о единодержавии, и стали готовиться к войне. Княжеские междоусобицы усиливались.

К 1157 году против Юрия Долгорукого сформировалась мощная коалиция из южнорусских князей, лишь Святослав Северский не изменил Юрию. В поход на Киев готовились выступить полки Изяслава Давидовича, Ростислава Мстиславича Смоленского, Мстислава Изяславича. Великий князь принял вызов, война была неизбежной. Возвратившись в Киев, Юрий 10 мая 1157 года после пиршества у боярина Петрилы внезапно занемог, а 15 мая умер.

В день выступления против Юрия Долгорукого объединенных княжеских дружин к Изяславу Давидовичу из Киева прибыл гонец с сообщением о смерти Юрия Владимировича. Летописец пишет: «В тот день приехали к Изяславу киевляне, сказав: иди, княже, к Киеву, Юрий умер». Фраза указывает на то, что в Киеве ожидали прихода Изяслава и могли ускорить смерть последнего из сыновей Мономаха. При этом известии, как сообщает летописец, «он же (Изяслав Давидович), прослезившись и руки воздев к Богу, сказал: благословен Ты, Господи, ибо россудил меня с ним смертью, а не кровопролитием». Враждебные Юрию князья в своих притязаниях опирались на киевских бояр, недовольных политикой Юрия Владимировича.

Общая ситуация указывает на то, что Юрий Долгорукий мог стать жертвой княжеско-боярского заговора. О смерти великого князя Киевского Юрия Владимировича Долгорукого в летописи говорится: «Пил Юрий у Осменика Петрила в тот день, а на ночь разболелся и было болезни его 5 дней, и преставился в Киеве Юрий Владимирович, князь Киевский, месяца мая в 15-й день в среду на ночь». Отсюда следует, что смерть Юрия Долгорукого наступила при весьма загадочных обстоятельствах, хотя летописец открыто не говорит о его умышленном отравлении.

Историк Сергей Высоцкий, исследуя граффити Софии Киевской, обнаружил в алтарной части придела Иоакима и Анны рядом с изображением шестиконечного креста необычную надпись: «Господи, помози рабома своими Петрилови (и)

Варнаве». Петр Толочко в книге «Дворцовые интриги на Руси» отмечает, что, возможно, эта надпись связана с летописным Петрилой и свидетельствует о совместном участии Петрилы и Варнавы в каком-то преступлении, не исключено, что в погублении Юрия Долгорукого.

Глава 13. Александр Невский

«Черные годы» – вот точное название целой эпохи в истории русской земли, времен жизни и политической деятельности князя Александра Невского, его братьев и сыновей. Опустошительная волна набегов ордынцев под предводительством Батыя перемолола воинскую силу русских, сожгла множество городов, установила тяжелую зависимость на Руси. Новгород и Псков подверглись разорению, пришедшему со стороны Орды, много менее, чем другие города, но зато они находились под постоянной угрозой со стороны агрессивных западных завоевателей: немцев и шведов. Кроме того, тяжкие междоусобицы, которые по кровавости ничуть не уступали монголо-татарским погромам, а иногда даже и превышали их, добавляли всеобщей неурядицы в и без того раздробленное государство. Русь постепенно обретала статус второразрядного региона Восточной Европы, на территории которого безостановочно шли противоборства различных характеров и с различными целями. О высокой боеспособности такого государства и речи быть не могло.

В такой период раздробленную страну могли спасти только личности с огромным стремлением к самопожертвованию, прозорливые, хитрые, необычайно умелые и одаренные прекрасной интуицией. Именно они смогли бы организовать сопротивление угрозе с Востока и Северо-Запада, поднять и объединить русский народ под единым знаменем-защитой русской национальности. Вот такой личностью и был Александр Невский. Перед началом рассказа об этом великом князе стоит еще отметить, что его образ очень противоречив, в силу малого числа исторических источников, по которым этот образ составлялся и в силу того, что обстановка, в которой находился Александр Невский, была очень изменчивой.

Но все сложности этого времени только закаляли Невского, сделав из него легендарную личность, и при этом разностороннего и умного человека.

Александр Невский был очень одаренным политиком, полководцем и дипломатом. Первое помогло ему управлять русскими людьми так, чтобы сохранить, порой, их от самих себя, чтобы не спровоцировать монголо-татар к новым и новым погромным нашествиям. Забегая вперед, можно сказать, что талант полководца позволил Александру защитить Северо-Западные границы Руси от погрома и насильного внедрения католической веры Западом. Военные победы помогли ему в

управлении русскими людьми. Ведь они потянулись за Александром, прислушались, доверились ему, вспомнив, какие победы во имя Руси, он совершил.

Битв на его долю выпало достаточно, но, конечно, стоит выделить самые известные – Невскую битву и «Ледовое побоище».

Утром 15 июля 1240 года протрубил рог, и войско Александра атаковало шведский лагерь. Точно по плану были перерублены сходни. Началась битва. В кровавой сече Александру удалось ранить Биргера в голову. Новгородец по имени Гаврила Олексич верхом ворвался на шведскую ладью, дрался со шведами на их корабле, был сброшен в воду, остался жив и снова вступил в бой. Героически погиб слуга Александра – Ратмир, пешим бившийся со многими противниками. В бою новгородцы и суздальцы покрыли себя вечной славой. Не ожидавшие нападения шведы бежали, а те, кто уцелел, сели на свои корабли и спешно отплыли в сторону Финского залива. Они потеряли в битве более 200 знатных воинов, а прочих – «без числа». Новгородцы и суздальцы нагрузили оставшиеся около берега шведские корабли трупами врагов и отправили вдогонку за уплывающими. Потери русских были удивительно малы: погибло всего 20 человек.

Победа принесла Александру Ярославовичу громкую славу. Обычно к имени князя прибавляли название города, в котором он княжил, к имени великого полководца прибавили название реки, на которой была одержана грандиозная победа. Теперь Александра стали почетно величать Невским.

Новгород был спасен, но угроза западной интервенции сохранилась. Шведы отступили, но остались еще немцы, тевтонские рыцари. В тот же год, когда была одержана победа, князь Александр ссорится с новгородцами (сильна была новгородская удаль) и покидает Новгород. В его отсутствие происходит немало бед. Немцы усиливают натиск на Изборск, стремясь к завоеванию Пскова. Изборск был взят, сожжен, его население безжалостно уничтожено. Псков отправил войско навстречу неприятелю, но оно было разбито. Вскоре пал и сам Псков. Над Новгородом нависла смертельная опасность. Новгородцы, посчитав, что гордыня не стоит жизни, сочли за благо пригласить Александра Невского обратно на княжение. Полководец согласился, и, получив немалое войско, двинулся освобождать русскую землю. Вскоре Псков был возвращен. Немцы отступали в сторону Чудского озера. На его западном берегу тевтонским рыцарям пришлось принять бой. И вот, решающее сражение произошло 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера, получив название «Ледовое побоище».

Численность армий обеих сторон, участвовавших в сражении,

точно неизвестна. Собственно, количество рыцарей тевтонского ордена было небольшим, всего несколько десятков, но каждый из них был грозным воином. Кроме того, рыцарей поддерживали пешие наемники, вооруженные копьями, и союзники ордена – ливы. Всего примерно орденское войско насчитывало 12–14 тысяч воинов. Новгородское войско насчитывало 15–16 тысяч. Некоторые историки считают эту цифру очень завышенной, но это мнение не является общепринятым.

Рыцари построились «свиньей»: самый мощный воин впереди, за ним – два других, за теми – еще четверо и так далее. Получалась глубокая колонна, начинающаяся тупым клином. Подобное построение могло наносить неотразимые удары по легковооруженный пехоте. Зная это, Александр Невский даже не пытался остановить удар немецкого войска. Напротив, он ослабил центр войска («чело»), чтобы неприятель мог спокойно его пробить. Фланги войска русских были усилены, по бокам размещалась конница. Сам Александр со своей тяжелой дружиной встал за передовым полком.

Немецкий клин, как и предполагалось, пробил «чело», но был остановлен дружиной Александра Невского. «Свинья» потеряла всю свою ударную силу. Фланги русских сковали ее, конница ударила с тыла. Войско Ордена было моментально уничтожено. Уцелевшие рыцари, убегая с поля боя, проваливались под лед и погибали в студеной воде. Разгром немецкой армии был полным. Русские воины убили с полтысячи одних только рыцарей, полсотни их попало в плен. Под звуки труб и бубнов полки Александра Невского подходили к Пскову. Ликующие люди высыпали из города встречать победителей. Смотрели, как рыцарей ведут подле их же коней: рыцарь, идущий подле своего коня с непокрытой головой, терял, по правилам Ордена, рыцарское достоинство.

Битва решила исход войны, Орден был вынужден просить мира, отказавшись от всех завоеванных новгородских и псковских территорий. Говорят, что тогда-то Александр и произнес слова, ставшие на Руси пророческими: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет!».

Однако победами на Неве и на Чудском озере борьба в Прибалтике не ограничилась. Еще долго Александр Невский и князь Владимирский Ярослав Всеволодович вели борьбу со шведами и литовцами, пока те, наконец, не отказались от своих желаний по отношению к прибалтийским землям.

Понимая потребность в сильном союзнике, а также в относительном спокойствии Руси, Александр Невский начинает строить отношения с монголо-татарскими ханами.

Новое поколение русских людей, ровесников князя Александра, быстро осознало масштабы опасности, грозящей стране с Запада, и потребность в сильном союзнике. Обрести этого союзника на Руси помогли логика событий и гений Александра Невского.

В 1242 году умирает хан Угэдэй. Из-за этой смерти коренным образом изменилось положение в Орде хана Батыя. Еще во время военного похода 1238–1239 годах Батый поссорился со своим двоюродным братом – Гуюком. Гуюк оскорбил Батыя, назвав его «старой бабой» и пригрозив оттаскать за волосы. Их кузен Бури поступил не лучшим образом: он собрался «поленом бить Батыя по груди и животу». За это Батый, являющийся главнокомандующим ханской армии, выгнал обоих царевичей к своим отцам. Отцы жестко наказали их за нарушение воинской дисциплины: выгнали из ханской ставки и лишили всех чинов.

И вот, после смерти Угэдэя, который был сдерживающей силой по отношению к изгнанным царевичам и хану Батыю, и Гуюк с Бури начинают совместную борьбу против Батыя. Гуюк был претендентом на великого хана, и это сильно осложняло Батыю борьбу. В его распоряжении находилось четыре тысячи воинов, а в распоряжении Гуюка, став он великим ханом – не менее 100 тысяч человек. Батыю нужен был союзник, чтобы продолжать борьбу, и дальнейший ход событий лишь подтвердил эту необходимость.

В 1246 году Гуюк избирается великим ханом. Судьба Батыя висела на волоске, и он попытался обрести поддержку на Руси. В то время какие-либо противоборства между монголами и русскими смысла не имели. Кроме того, по-видимому, исчезли и сами эмоциональные мотивы противоборства. Русские даже называли Батыя «добрым ханом». Союз между Русью и Батыем стал возможен. В 1251 году Александр приезжает в Орду Батыя, заводит дружбу с его сыном Сар-таком, потом и братается с ним, став тем самым приемным сыном хана, его родственником. Нелегко было Александру удерживать этот союз, многие близкие ему люди были против союза с монголами.

Но в 1256 году умирает Батый, а за ним погибает и его сын Сартак, будучи отравленным. Брат Батыя Берке-хан устанавливает мусульманскую диктатуру в Орде.

Александру ничего не оставалось, как отправляться к Берке и договариваться об уплате дани монголам в обмен на военную помощь против литовцев и немцев. В том же году хан Берке приказал сделать вторую перепись на Руси (первая была сделана при отце Александра Невского). В рязанскую, суздальскую и муромскую область явились переписчики, начали всех до единого

переписывать, чтобы потом обложить поголовно данью. Дошли и до Новгорода. Новгородцы, узнав, что к ним направляются переписчики, подняли мятеж. Так как Новгород не так пострадал от татар, как другие горда, здесь считали, что платят дань по собственному согласию, а не по гнету. Чувствуя приближающуюся опасность, Невский самолично, вместе с переписчиками, явился в Новгород. Новгородцы наотрез отказались платить дань. Но все-таки, неимоверными стараниями Александра Невского, татарских послов не только не обидели, но и отпустили обратно в Орду, богато одарив. Народ волновался и подозревал Невского в сговоре с ордынцами против Руси. Князь новгородский Василий, сын Александра, был на стороне недовольных, что было очень неприятным личным фактом для Александра: тому, постоянно окруженному критикой и подозрениями в измене, приходилось идти против собственного сына. В итоге Василий бежал в Псков, откуда вскоре был выгнан Невским.

Жестоко расправившись с заговорщиками и организаторами бунта (им выкалывали глаза), Александр убедил новгородцев выплачивать дань. Это, конечно, никому не было приятно, но все-таки лучше расстаться с деньгами, чем с независимостью и жизнью.

Союзный договор с ордой оказался впоследствии благом для Руси, с точки зрения установления порядка внутри страны. Хоть Русь и оставалась зависимой от монголо-татар (не было сил сопротивляться их прямым нашествиям), но и установилась обстановка союза, что как бы уравнивало условия Руси и Орды, тем самым прикрывая монголо-татарское иго, вело к формированию другого отношения русского народа к монголам, как к союзникам и друзьям, а не как к хозяевам своей свободы. Александр Невский добился мирного отношения народа к Орде, пусть даже оно и не было полным.

Нелегко было Александру Невскому отбиваться от западных врагов, но, одержав великие победы, чувство народной радости и благодарности ему было наградой за тяжелые воинские труды и заботы. А теперь Невский был вынужден заискивать перед ханом и его сановниками, унижаться перед ними, одаривать их, чтобы только уберечь русскую землю от новых бед. Приходилось ему также заставлять свой народ платить дань монголо-татарам. Иногда приходилось применять силу, причем, приходилось делать это непосредственно ему самому. Приходилось наказывать своих людей за непослушание монголо-татарам, из за чего болезненно сжималось сердце.

Из Орды Александр Невский возвращался больным. Постоянные тревоги и стрессы, заискивания перед ханами,

постоянная опасность нашествия на Русь сделали свое дело. Здоровье Невского было подорвано. С трудом держал он путь домой. Смог доехать до Городца. Здесь окончательно слег. Чувствуя приближение смерти, Александр Невский принимает схиму. Ночью, 14 ноября 1263 года его не стало.

Глава 14. Иван Калита

Сын князя московского Даниила Александровича, внук Невского, Иван Калита был беспринципным политиком, любыми, самыми грязными, средствами добивавшимся своих целей. На пути к великокняжескому престолу находился Александр Михайлович, и его надо было уничтожить. Восстание в Твери в 1327 году дало Калите эту возможность. Он тотчас поехал в Орду и взялся уничтожить мятежников за великокняжеский ярлык. Он возглавил огромное войско татар и уничтожил города тверского княжества.

Что интересно, при жизни своего брата Юрия Иоанн не играл большой роли, исполняя поручения брата, начавшего ожесточенную борьбу с Тверью за первенство. В 1304 году, отправляясь в Орду для решения своего спора с Михаилом Тверским, Юрий оставил Иоанна блюсти Москву. Тверские бояре захватили в Костроме другого брата Юрия, Бориса и готовились овладеть Переяславлем, но Иоанн Данилович, узнав об этом, встретил тверичей и разбил их наголову.

В 1305 году Юрий возвратился без великокняжеского ярлыка, но борьба с Тверью продолжалась. В 1320 году Иоанн Данилович участвовал в походе брата, тогда уже великого князя, на Иоанна Ярославича, князя рязанского, и в том же году уехал в Орду, где прожил более года. Калита возвратился из Орды в 1322 году с послом Ахмылом, который, вероятно, послан был ханом, привести в порядок дела на Руси, но только «много пакости сотвори по Низовской земле», разграбил Ярославль и ушел обратно в Орду.

В конце 1325 году умер Юрий, а в 1326 году Иоанн отправился в Орду. В 1327 году, после избиения в Твери посла татарского Шевкала с его свитою, Калита вновь отправился в Орду, откуда возвратился с пятью темниками, то есть со значительным татарским войском. С этим войском, при помощи суздальского князя Александра Васильевича, он взял Тверь, Кашин и опустошил тверскую новоторжскую волость. Александр Михайлович, князь тверской, бежал с братьями из Твери еще до прихода татар. После этого Калита уже почувствовал себя великим князем. Он послал в Новгород своих наместников и опять отправился (1328 году) в Орду. Вместе с ним и как бы под его покровительством – брат бежавшего Александра, Константин. Иоанн Данилович объявлен был великим князем, а Константин – тверским.

В 1331 году Иоанн вместе с Константином тверским снова ездил в Орду, эти частые поездки истощали великокняжескую

казну и после последней поездки Иоанн потребовал от новгородцев так называемого «закамского» серебра. Новгородцы отказали, и Калита отнял у Новгорода волости Торжок и Бежецк. Новгородцы не решились ничего предпринимать против, а Калита в начале 1333 года со всеми суздальскими и рязанскими князьями опять пришел в Торжок, вывел из Новгорода своих наместников и начал опустошать новгородские волости.

В 1339 году Калита, отправив в Новгород своего младшего сына Андрея, сам с старшими, Симеоном и Иоанном, вновь отправился в Орду. Там он не жалел казны и он и дети его были в Орде в чести, и в том же году «думою его», т. е. по его настоянию, хан Узбек позвал в Орду всех князей. Осенью того же года в Орде были убиты князь Александр тверской и боярин его Феодор. В Твери остались совершенно безопасные для Иоанна князья Константин и Василий. По смерти Александра Калита приказал снять колокол с главного тверского храма св. Спаса и отправить его в Москву, что имело символическое значение верховенства московского князя над тверским. После смерти Александра дети Калиты отпущены были из Орды «с любовию». Таким образом, великий князь обеспечил себя от всяких опасностей как со стороны Орды, так и со стороны Твери.

В своем стремлении сделать Москву первенствующей в политическом отношении силой, Иоанн Данилович стремился сделать ее такой и в церковном. Последовав его уговорам, митрополит Петр переселился из Владимира в Москву, и здесь 4 августа 1326 года заложил на место деревянного каменный соборный храм Успения Пресвятой Богородицы. Иоанн Данилович был женат дважды; от первого брака с Еленой, происхождение которой неизвестно, он имел сыновей: Симеона, Даниила, Иоанна и Андрея, и дочерей: Феотинию, Марию, Евдокию и Феодосию. От второго брака с Ульяной, имя отца которой также не известно, он имел только одну дочь.

Русские летописи так подводят итоги правления Иоанна Даниловича: «и бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле на 40 лет и переставша татарове воевати Русскую землю». Кроме того летописец замечает, что Калита «исправи землю русскую от татей».

Калита был жестоким и хитрым, умным и упорным в достижении своих целей правителем. Сыграл большую роль в усилении Московского княжества, собирании русских земель вокруг Москвы, используя в этих целях помощь Золотой Орды, для которой он собирал с населения огромную дань. Беспощадно пресекал народное недовольство, вызывавшееся тяжелыми поборами, расправлялся с политическими противниками –

другими русскими князьями. Он накопил большие богатства (отсюда его прозвище «Калита» – «кошель», «денежная сумка»), которые использовал для покупки земель в чужих княжествах и владениях.

По отношению к Орде московский князь вел традиционную политику отца и деда. В Орде он незаменимо встречал большие почести от хана Узбека, приходившегося ему свояком. Узбек прислушивался к мнению Ивана Даниловича, умевшего направлять события в свою пользу. Калита хорошо знал хищные золотоордынские порядки, тщательно собирал с русских земель «выход» и готов был идти навстречу денежным домогательствам татар с тем, чтобы собирать в их пользу еще дополнительный запрос. Но напрасно видеть в Калите какого-то рьяного низкопоклонника перед Ордой. Самый тяжелый денежный побор был все-таки легче опустошительных татарских набегов. Во всяком случае, Москва пользовалась при Калите полным и невиданным до него благополучием.

Владения московского князя стали заметно продвигаться на Дальний Север. В 1337 году московская рать ходила в область Северной Двины, принадлежавшей Новгороду. В то время Двинская область осталась в новгородском владении, но Иван Данилович уже распоряжался на Печере и жаловал «… сокольников печерских, кто ходит на Печеру», различными льготами. Калита заложил основы могущества Москвы. Он первый начал объединять вокруг нее русские земли. После долгого промежутка времени он был первым авторитетным князем, влияние которого распространилось на всю Северо-Восточную Русь. Кремль при Иване Калите был значительно расширен и обнесен прочной дубовой стеной в 1339 году, в нем были построены первые каменные церкви, в том числе Успенский собор, сделавшийся усыпальницей митрополитов, и Архангельский собор, где хоронили московских князей. Каменные постройки, возведенные при Иване Калите, до нас не сохранились, так как были заменены новыми при Иване Третьем. По завещанию Ивана Калиты Московское княжество было разделено между его сыновьями Семеном, Иваном и Андреем; наследником Калиты был его старший сын – Семен Гордый.

Деятельность Калиты неоднозначно оценивается его современниками и историками. С одной стороны, он считается главным вдохновителем разгрома Твери, защищавшей права и достоинство русских людей против татарских насильников. С другой стороны, он стал прямым продолжателем политики Александра Невского, добивавшегося соглашения с Золотой Ордой ради Русской земли еще не готовой к решительной борьбе

с татарами, которую вскоре проведет с собой на Куликово поле Дмитрий Донской, внук Калиты. На одной чаше весов разорение русской земли, пожары и разрушения Твери, Торжка, Кашина и других городов, бесчисленное количество пленных, угоняемых в татарское рабство. На другой чаше весов Москва сделалась городом, славным «кротостью», свободным от непрерывной угрозы татарских нашествий, а это должно было чрезвычайно способствовать росту и богатству города. Преобладание Москвы над Тверью, чего так добивался Юрий, было окончательно достигнуто при его младшем брате.

При Иване Москва стала резиденцией митрополита «всея Руси», что имело важное значение, так как церковь пользовалась большим идеологическим и политическим влиянием. Деятельность Калиты способствовала тому, что была заложена основа политического и экономического могущества Москвы и начался экономический подъем Руси.

Глава 15. Дмитрий «Донской»

Князь Дмитрий Иванович родился 12 октября 1350 году он является сыном Ивана Ивановича Милославского, прозванного также Красным (1353–1359), среднего сына великого князя Московского Ивана Даниловича Калиты, и княгини Александры.

В девять лет Дмитрий стал сиротой. Огромная ответственность легла на плечи маленького князя. Сам он, конечно, еще не мог управлять княжеством и во всем слушался княжеского совета: тысяцкого – Василия Вельяминова и Митрополита Алексия, происходившего из старомосковского боярского рода. Он отличался светлым умом, образованностью и прекрасной способностью совмещать обязанности духовного владыки и энергичного политика. Митрополит Алексий стал духовным отцом Дмитрия и заменил ему отца родного. Он воспитал его в любви к Богу и к отчизне.

Пришло время и во Владимире, в 1362 году, в величавом белокаменном Успенском соборе, двенадцатилетний Дмитрий Иванович был венчан на великое княжение. В семье князя Дмитрия Константиновича Суздальско-Нижегородского подросла дочь, красавица Евдокия. Именно она была выбрана в невесты шестнадцатилетнему Дмитрию Ивановичу. Венчание состоялось 17 января 1366 года в Коломне. Несмотря на то, что вначале преобладали политические мотивы для этого брака, в великокняжеской семье царили любовь верность и понимание. Родители они были очень чадолюбивые: у них родилось 8 сыновей и 4 дочки. Только два сына умерли малолетними.

Пользуясь усобицей в Золотой Орде, с 1374 года Дмитрий Иванович перестал возить туда дань, тем самым прервал с ней отношения. Эти деньги очень пригодились для восстановления Москвы после страшного пожара. Вместо деревянного Кремля Ивана Калиты был построен белокаменный Кремль с башнями, боевыми площадками и с железными воротами. Московский Кремль был первым после татарского нашествия крупным каменным сооружением на Руси. Очень скоро новые неприступные стены помогли выдержать осаду литовского войска.

Великому князю Дмитрию Ивановичу приходилось быть судьей в спорах между удельными князьями. Клинский князь Семен Константинович, умерший от моровой язвы, завещал свои владения старшему из живших братьев, Василию Михайловичу Кашинскому, а не своему старшему сыну, Михаилу Александровичу. Молодой и сильный Михаил всеми силами хотел утвердиться на тверском престоле, надеясь на поддержку

великого литовского князя Ольгерда, который был женат на его сестре Ульяне. Ольгерд в ту пору мог считаться чуть ли не сильнейшим государем во всей Восточной Европе, он самовластно повелевал на огромной территории Великого княжества Литовского. Его могущество представляло для Москвы отнюдь не меньшую, чем ордынская опасность.

В 1367 году Михаил вернулся из Литвы с полками своего зятя Ольгерда и без труда занял Тверское княжество. В Москве решили пойти на хитрость. Михаила позвали на переговоры и клятвенно гарантировали неприкосновенность. Однако по приезде тверского князя «поймали» и «держали в истоме». Приезд татарского посольства способствовал его освобождению: в Москве пока еще опасались показать Орде самовольство в обращении с русскими князьями, поскольку ордынцы считали это исключительно собственным правом. Михаил был вне себя. Он кинулся в Литву и организовал нашествие в московские пределы, известное под названием «первой литовщины».

Об Ольгерде не зря говорили, что «когда он шел на войну, никто не ожидал его воинов». Перебив союзников Дмитрия и разбив сторожевой полк, литовский князь внезапно появился под стенами Москвы. Дмитрий с митрополитом и князем Владимиром Андреевичем Серпуховским (двоюродным братом князя) затворились в городе. Здесь пригодились новые каменные стены. Простояв три дня под Москвой и разграбив окрестности, Ольгерд ушел, жестоко бесчинствуя по пути, чем сникал себе в русском народе дурную славу.

Дмитрий Иванович незамедлительно нанес ответный удар. Опустошению подверглись земли, непосредственно принадлежавшие Михаилу: города Микулин, Зубцов. Разгневанный тверской князь, находившийся в Литве, вновь стал умолять Ольгерда о помощи. Так в 1369 году началась «другая литовщина». Ольгерд опять явился с войском к самой Москве, и великий князь Дмитрий вновь укрылся за стенами, а Владмир Андреевич стоял у Перемышля близ Подольска, и под его команду сходились союзные рати для удара в тыл Ольгерду. Владимир Андреевич был самым способным и удачливым московским полководцем второй половины 14 века, и за ним закрепилось прозвище «Храбрый». Во внешних столкновениях Владимир был первым помощником Дмитрия. Дружина грозила отрезать Ольгерда от литовских владений и заставила его просить «вечного мира», но в результате было заключено только перемирие: видно, Москва уверилась в своих силах и склонна была торговаться из-за условий. В действительности это означало, что в данный момент тверской князь не мог больше

рассчитывать на помощь Литвы.

Весной 1370 года разочаровавшийся в силе Ольгерда Михаил Тверской поехал с большими дарами к Мамаю искать ярлыка на великое княжение Владимирское. Мамай не преминул использовать его в борьбе с осмелевшим московским князем, не платившим дани, и дал Михаилу вожделенный ярлык. Узнав об этом, князь Дмитрий перекрыл вероломному тверскому князю путь во Владимир. Бояре большинства княжеств поддержали Дмитрия.

Князь Михаил Александрович понял бесполезность своих претензий и с досады направился грабить новгородские земли, а Дмитрий Иванович, оказав пышный прием ханскому послу Сарыхоже, стал сам собираться в Орду.

Дмитрию шел уже 21 год. Внешне он стал поистине русским богатырем. Летописцы описывают его могучее телосложение, густые черные волосы и бороду, называя огненными его светлые глаза.

Эта величавая внешность и мудрые речи князя, и богатые дары возымели на Мамая благоприятное действие. Дмитрий Иванович вернулся в Москву с ярлыком на великое княжение Владимирское. Более того, он окончательно «посрамил» своего противника, выкупив и увезя с собой его сына, задолжавшего Орде колоссальную сумму в 10 тысяч рублей.

В Москве Дмитрия Ивановича встретила радостная весть. Желая укрепить перемирие, Ольгерд обещал выдать свою дочь Елену за князя Владимира Андреевича и обязался не поддерживать больше Михаила Тверского в несправедливых притязаниях на престол. Однако Тверь еще не покорилась, и для борьбы с Дмитрием вновь была вызвана помощь из Литвы. Летом 1372 года братья Елены в третий раз пошли на Москву. До крупных столкновений дело не дошло, но заключенное перемирие сохранялось недолго. В июле 1375 года в Тверь перебежали представитель знатнейшего московского семейства Иван Васильевич Вельяминов (обиженный за то, что не получил должности московского тысяцкого – руководителя городского ополчения) и богатый купец Немат Сурожанин.

В августе 1375 года состоялся союзный поход московской коалиции русский князей на Тверь; подошедшие было на помощь литовские отряды отошли, не решившись вступить в бой. Осажденный Михаил заключил мир, по условиям которого навсегда отказывался от притязаний на владимирское княжение и признавал себя «братом молодшим» великого князя Дмитрия. Теперь уже никто из князей Северо-Восточной Руси не осмеливался оспаривать первенство Москвы.

Несомненно, главное в княжении Дмитрия – героическая борьба с татарами и победа на Куликовом поле. В самом начале двадцатилетней «Замятни» Золотая Орда раскололась на две враждовавшие между собой части, претендовавшие на власть над Русью. В одной из них не прекращались усобицы, и ханы менялись довольно часто. Что касается другой половины, то здесь реальная власть принадлежала Темнику (высшему военоначальнику) Мамаю, правившему через подставных ханов, которых он периодически устранял, заменяя на новых. Именно Мамай представлял наиболее реальную опасность для Москвы. Еще в первой половине 70-х годов Темник стал думать о восстановлении былых даннических отношений между Ордой и Русью.

Летом 1373 года состоялся поход татар на рязанскую землю, в отражении которого участвовали московские войска. С этого момента начинается «розмирье» Москвы с татарами. К тому времени большинство княжеств уже полностью признало первенство Москвы, и поэтому появляется реальная возможность составить общерусскую коалицию против татар. В 1374 году в Нижнем Новгороде появляется Мамаев посол Сарайка, попытавшийся рассорить Дмитрия Константиновича с зятем. Такая попытка закончилась неудачей. Посол был схвачен, а чуть позже убит нижегородцами. Зимой 1374 года в Переяславле-Залесском состоялся княжеский съезд, на котором решался вопрос о дальнейшей тактике борьбы с Ордой. По некоторым данным, в Переяславском Съезде участвовали почти все влиятельные князья Северо-Восточной Руси. Так закладывались основы общерусского военно-политического единства.

В 1376 году состоялся поход московского войска на одну из территорий Орды – область волжских булгар. Полки вел воевода князь Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский. В результате успешных действий местный правитель признал зависимость от Москвы. А в 1377 году к русским пределам подошел царевич Арабшах из конкурировавшей с Мамаем Орды, разоривший нижегородские места. Навстречу татарам выступил сам Дмитрий Иванович вместе с нижегородскими князьями. Недооценив силы врага, они потеряли бдительность – сложили доспехи в телеги и мешки и увлеклись хмельным питьем. Неожиданный удар ордынцев закончился их полной победой. Победители подвергли страшному погрому Нижний Новгород и другие города княжества.

Годом позже, стремясь вернуть былую власть над русскими землями, Мамай послал войско в несколько десятков тысяч человек под командованием опытного полководца Бегича. Но

Дмитрию Ивановичу и его соратникам урок Пьяны пошел впрок. Навстречу вышло большое московское войско во главе с самим правителем.

Оба войска, примерно одинаковые по численности, сошлись в начале августа 1378 года на реке Воже, в Рязанских пределах, к югу от Оки. Они стали на ее противоположных берегах. Несколько дней выжидали, перестреливались через Вожу. 11 августа ордынское войско было наголову разбито сразу после переправы. Эта победа укрепила уверенность русских в своих силах, показала, что можно побеждать крупные силы татар.

Занимаясь ратными делами, великий князь Дмитрий Иванович не забывал и о созидании. Кроме белокаменного Кремля и древних великокняжеских палат было выстроено множество церквей. Росла Москва, все больше народу селилось вокруг нее. Новые поселения назывались слободами, потому что новоселы были на довольно большой срок освобождены от податей. Льготы и ссуды выдавались не только крестьянам и ремесленникам, но и монастырским братствам, что тоже способствовало заселению новых земель. Всячески поощрялась князем также деятельность купцов.

Мамай, озлобленный поражением, собрал огромнейшее войско, привлекая наемников богатым жалованием и будущей наживой. Он возымел желание славы Батыя и летом 1380 года сам повел войска на Русь.

В короткий срок удалось Дмитрию Ивановичу собрать огромную для Руси рать – 100–150 тысяч воинов. Он был поддержан почти всеми русскими князьями. Ему прислали полки из большинства русских земель. Не прислали дружин только Олег Рязанский, Михаил Тверской и Новгород Великий. Особенно сложным было положение рязанского князя Олега Ивановича. Его вотчина лежала на самой границе со степной областью – Диким Полем. Зажатый как бы между двух огней, рязанский князь занял позицию странного «нейтралитета». Есть сведения, что он послал своих людей в Москву, чтобы предупредить о передвижении Мамая. Одновременно с этим Олег обещал и Мамаю быть его верным союзником.

Перед выступлением поскакал Дмитрий Иванович к преподобному Сергию Радонежскому испросить благословения. Обладавший даром предвидения, преподобный не только благословил князя на битву, но и предрек ему победу.

20 августа 1380 года русские рати покинули Москву. Часть войск под руководством Владимира Андреевича отправилась в направлении Серпухова, где в нее предстояло влиться конным и пешим дружинам юго-западных областей. Главная часть,

предводимая Дмитрием Ивановичем, направилась вдоль Москвы-реки к Коломне. На ночь войско остановилось в тихом месте на берегу, где великому князю явилась икона Святителя и Чудотворца Николая, укрепила князя верой и надеждой «и сия вся угреша сердце его». С тех пор место это называется Угреша.

В Коломну прибыли русские войска со всех сторон. 25 августа сводная рать вышла к Лопасне, где соединилась с войсками, собранными князем Владимиром Андреевичем. Несмотря на то, что Литва была на стороне Мамая, не подвели Дмитрия Ивановича новые союзники, литовские князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи. Объединенное войско представляло собой внушительную силу. Впервые с момента монголо-татарского завоевания удалось собрать войско, сравнимое по мощи с ордынским.

После сбора в Коломне великий князь произвел осмотр своих сил. Войско выстроилось в походный порядок и двинулось к Дону. Впервые за долгие годы русские полки вторглись в степную область, которая была безраздельным владением ордынцев. На состоявшемся военном совете по настоянию великого князя было принято решение перейти Дон. В самом деле, это сулило две несомненные выгоды. Во-первых, татары лишались возможности использовать свой излюбленный прием – фланговый охват конницей – и должны были атаковать в лоб. Во-вторых, Дмитрий обезопасил себя от возможного удара в тыл со стороны великого князя литовского Ягайло (союзника Мамая), который форсировал Оку и находился неподалеку, ожидая исхода противостояния. Неясна была позиция и рязанского князя Олега.

Вскоре русские полки переправились через Оку и спустя несколько дней подошли к месту слияния Дона и Непрядвы. За рекой воинство вышло на огромное Куликовское поле. Мосты за великокняжеским войском приказано было сжечь.

Утро 8 сентября выдалось туманное. Дмитрий Иванович обскакал все полки, отдавая последние распоряжения. Сам князь хотел биться на передовой линии, личным примером увлекая воинов, а не стоять позади войска, как было принято. Вернувшись в срединный полк, Дмитрий Иванович переоделся в доспехи простого воина, а свое облачение передал боярину Михаилу Бренку и велел стоять ему непоколебимо под великокняжеским стягом.

Битва началась в полдень поединком Александра Пересвета и Челубея, русского и ордынского богатырей. Когда они пали, пронзив друг друга копьями, многотысячные войска сошлись. Сражение длилось до вечера. Настал звездный час князя Дмитрия Ивановича. Его замечали то там, то здесь, в самой гуще битвы.

Видели, как он менял коня, как отбивался сразу от четырех ордынцев. Русские витязи сражались отважно, многие тысячи сложили свои головы, но около трех часов дня превосходящие силы врага, казалось, стали уже одолевать наших, глубоко вклинившись в срединный полк. Михаил Бренок был убит, княжеский стяг был подрублен. Мамай уже ликовал, видя это со своего холма. Но рано он радовался.

В этот самый момент вступил в сражение резервный полк Дмитрия Ольгердовича, а затем и засадный полк князя Владимира Андреевича и искусного воеводы Дмитрия Боброка. Свежая русская конница, вихрем вырвавшись из дубравы, обрушила удар на врага. Он был настолько стремителен и страшен, что ордынцев, смятых и разгромленных, охватила паника. Их конница бросилась бежать – одни падали под русскими саблями, другие тонули в Непрядве, третьи, смяв свою же пехоту, устремились к Красному холму, ставке Мамая. Началось общее бегство. Хан едва успел собрать шатер и унести ноги. Русская конница во главе с Владимиром Андреевичем, прозванным Храбрым за воинскую доблесть, преследовал Мамая около 40 км. до реки Мечи, но Темнику удалось ускользнуть, часто меняя лошадей.

Победа на Куликовом поле была великой радостью, но сильно омраченной. Предположительно, полегла половина рати. Победа была достигнута, но очень дорогой ценой. Битва показала мощь и силу Москвы как политического и экономического центра – организатора борьбы за свержение золотоордынского ига и объединение русских земель. Благодаря Куликовской победе был уменьшен размер дани. В Орде было окончательно признано политическое главенство Москвы среди остальных русских земель. Орда так и не смогла оправиться от нанесенного удара, распад ее стал необратим. Даже несмотря на то, что летом 1382 года Москва была взята и сожжена ханом Тохтамышем, прежняя система господства над Русью, существовавшая в тринадцатом – первой половине четырнадцатого века, уже никогда не была восстановлена. На Куликово поле шли жители из разных русских земель и городов – вернулись же они с битвы как русский народ.

Дмитрий Иванович мужественно сражался в передовом полку, в одежде простого ратника. После битвы, уже в сгустившихся сумерках, его отыскали среди убитых и истекающих кровью глухо стонущих воинов. Князь пребывал в бессознательном состоянии. Когда он очнулся, с него с трудом сняли проломленные, пробитые и промятые во многих местах доспехи. К великой радости княжеского окружения, смертельных ран на крепко сложенном его теле не оказалось. Но, похоже,

именно с того дня Дмитрий Иванович почувствовал недомогание. И после этого с каждым днем стал чувствовать себя все хуже и хуже.

Заканчивая свой недолгий земной путь, Дмитрий оставил сильно окрепшую Русь – Московско-Владимирское великое княжество, заветы на будущее. Умирая, он передает, не спрашивая согласия хана, своему сыну Василию (1389–1425) Владимирское великое княжение как свою вотчину, выражая надежду на то, что Бог освободит Русь от ордынского ига.

Дмитрий Донской скончался в возрасте 39 лет 19 мая 1389 года. Похоронили его в великокняжеской усыпальнице под сводами Архангельского собора. Вся Москва от мала до велика пришла проститься со своим любимым князем. Неописуемо было народное горе. Спустя несколько лет было написано «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича», предположительно, Епифанием Премудрым, автором жития преподобного Сергия Радонежского. Дмитрий Донской был причислен к лику местно чтимых московских святых. Его стали изображать на иконах, древнейшая из которых написана знаменитым Дионисием в 15 веке.

Глава 16. Василий Дмитриевич

Василий Дмитриевич – первый князь, получивший великое княжение в наследство по завещанию отца, а не по ханскому ярлыку, который надо было просить. Правда, вступал он на престол в присутствии ханского посла Шихмата.

Василий I во многом был похож на отца своего: твердость духа, ум. Василий так же как отец – Дмитрий Донской, понимал, что счастье отчизны требует усиления Великого княжества.

Государствование Василия было славно и счастливо: он усилил Великое княжение знаменитыми приобретениями без всякого кровопролития; видел спокойствие, благоустройство, избыток граждан в областях своих; обогатил казну доходами; уже не делился ими ни с кем и мог считать себя независимым. Хотя послы разные от времени до времени являлись в Москве: но, вместо дани, получали единственно маловажные дары и возвращались с ответом, что Великое княжение московское будто бы оскудело и не в силах платить серебра ханам.

Великий князь Владимирский и Московский, старший сын великого князя Дмитрия Ивановича Донского вступил на престол в 1389 году. Как по своему характеру, так и по условиям, создавшимся отчасти еще при его отце, Василий мало мог оказывать влияния на политику великого княжения. После Тохтамышева погрома в 1382 году, посланный отцом в Орду представительствовать в споре за великокняжеский стол с тверским князем Михаилом Александровичем, Василий был там удержан в качестве заложника за восьмитысячный долг московского великого князя. Пробыв года два в Орде, он бежал оттуда в Молдавию и через Литву, где виделся с Витовтом, и где был решен брак его с Софьей Витовтовной (заключен в 1391 г.), в сопровождении польско-литовской свиты вернулся в Москву только в январе 1387 года.

Получив по завещанию Донского Владимирское княжество как вотчину, он был посажен на великокняжеский стол во Владимире ханским послом. Смерть Донского открыла дорогу к митрополичьей кафедре во Владимире Киприану, знатному болгарину, поставленному на русскую митрополию в 1387 году и признанному в Литве раньше, чем он был допущен в Москву; этим оборвалась определенно и резко проводившаяся митрополитом Алексеем национальная политика кафедры и выдвинута была ей противоположная, поддерживаемая политическим преобладанием Витовта, идея церковного сближения католической Литвы с греческим православием.

Западная политика Москвы подчинялась, таким образом, видам Витовта.

Зато на Востоке, благодаря опыту 80-х годов и умелой политике в Орде московского боярства, Василию открывалась возможность успеха в собирании удельных русских земель. Принятие великого княжения с утверждения Орды обеспечило Василию прочное политическое положение. В том же 1389 году был заключен договор, признавший за Василием великокняжескую власть. Один пункт договора предусматривал возможность расширения (Муром, Таруса и «иные места») владений Василия.

Обеспечив мир на западной границе (договор с Великим Новгородом 1390 года, брак с Софьей в 1391 году), Василий в 1392 году поехал в Орду, где московские деньги и, может быть, опасность со стороны надвигавшегося Тамерлана доставили ему ярлык на Нижегородское великое княжество, Городец, Мещеру, Муром и Тарусу. Нижегородскому князю Борису Константиновичу не удалось отстоять ни своих, Ордою в 1389 году подтвержденных прав, ни города: Нижний Новгород был взят московскими боярами вследствие измены местного боярства с Василием Румянцем во главе; там водворились московские наместники.

После смерти Бориса Константиновича в заточении в 1393 году Василию пришлось бороться за свое приобретение с племянником Бориса, Семеном Дмитриевичем; в 1401 году удалось привести его к отказу от притязаний на наследство. Смертью Семена в 1402 году нижегородский вопрос был решен в благоприятном для Москвы смысле надолго.

Нашествие Тамерлана, задевшее юго-восточный край Руси, но не проникшее до Москвы, в 1395 году расстроило Тохтамышеву Орду в волжских низовьях и выбросило оттуда по Волге вверх до Камы татарские массы, угрожавшие русскому пограничью. Перед московским князем встала задача обороны границы, а впоследствии и колонизационного наступления на восток. В руках его оказывалось начало торгового пути вниз по Волге и новый источник влияния на Великий Новгород: с усилением московской власти на Волге Великому Новгороду приходилось больше опасаться за свои двинские и иные земли, слабо связанные с метрополией и экономически смотревшие более на юг, чем на запад.

Немедля по присоединении Нижегородского княжества, Василий выставил Великому Новгороду требования, в том числе и митрополичьего суда (отмененного вечем в 1385 году и не восстановленного, вопреки настоянию митрополита Киприана, в 1391 году). Новгород ответил нападением на Устюг и Белоозеро,

но просил потом мира, который и был заключен «по старине» (1393 г.), с выполнением всех условий Василия.

Попытка оторвать от Великого Новгорода его «земли» скоро стала возможной – ценой национального унижения. 1395 год был критическим для Москвы в этом смысле: только случайность спасла ее от разорения Тамерланом; Витовт начал наступление на восток, взяв Смоленск и отправив войско на Рязань, где укрылся один из смоленских князей. Василий не только не выступил на защиту русских областей, но вместе с митрополитом Киприаном оказался в 1396 году в Смоленске в гостях у Витовта, где переговоры (о церковных делах на Литве) с успехом велись митрополитом. После разгрома Витовтом Рязанской земли он был почетно принят Василием Дмитриевичем на московской территории, в Коломне. Здесь же решены были совместные действия против Великого Новгорода, заключившего нежелательный Витовту и безразличный для Москвы договор с немцами. Посольство Василия требовало в 1397 году в Новгороде отмены этого договора, но безуспешно. Зато тогда же было послано на Двину приглашение отложиться от Новгорода и целовать крест Москве. Двиняне приняли предложение. От Новгорода отняты были Волок-Ламский, Торжок, Бежецкий верх и Вологда, но в 1398 году новгородцы вернули отнятое, и Василию пришлось заключить мир опять «по старине».

Попытки выйти из-под влияния Витовтовой политики длились несколько лет. Тем временем с востока надвинулась татарская гроза. Предводитель ордынской рати Едигей в ноябре 1408 года в течение месяца опустошил московские города вплоть до Нижнего Новгорода. Москва освободилась от осады за 3000 рублей, Едигей был отозван ханом, объяснив Василию в грамоте причины нападения на «улус» (как звали Русь татары) строптивостью Руси. Под влиянием кружка молодых бояр, с казначеем Иваном Федоровичем Кошкой во главе, московское правительство прекратило посылку посольства в Орду и платеж дани.

Поход Едигея вновь возбудил притязания нижегородской княжеской семьи на отобранное у нее наследство; хлопоты ее в Орде убедили Василия в необходимости личного им противодействия. Василий Дмитриевич выиграл нижегородское дело у нового хана Керимбердея. В 1419 году Василий назначает преемником своим сына Василия; умирая, Василий поручал Витовту защиту великокняжеских прав своего десятилетнего сына.

Глава 17. Василий «Темный»

Великий князь Московский и Владимирский, сын великого князя Василия I Дмитриевича. Княжил с 1425 года. Ему было 10 лет, когда умер его отец. Его кандидатура на великокняжеский стол могла считаться и юридически не прочной: завещание Дмитрия Донского, его деда, заключало в себе слова, обосновавшие притязание дяди Василия, Юрия Дмитриевича, на великое княжение. Решение спора между дядей и племянником зависело на деле от великого князя литовского Витовта, опекуна семьи Василия I. Опираясь на него, митрополит Фотий склонил Юрия к мирному договору в 1425 году, по которому тот обязался не добиваться великого княжения силой; только ханское пожалование признано было авторитетным на случай, если бы Юрий возобновил свои притязания. Зависимое от Витовта московское правительство не протестовало против состоявшегося в 1425 году назначения особого западнорусского митрополита. Не составило Витовту труда получить отречение в 1428 году московского великого князя от самостоятельной политики в Великом Новгороде и Пскове.

Однако в 1430 году умер Витовт; на Литовском великом княжении сел Свидригайло, и Юрий, связанный с ним свойством, не замедлил отказаться от договора 1428 года. В начале 1431 года Юрий и Василий II были уже в Орде; тяжба затянулась там более чем на год и кончилась в пользу Василия II. По летописному рассказу, Юрий стоял на почве завещания Донского; московский боярин Иван Дмитриевич Всеволожский противопоставил завещанию суверенную волю хана, отрицая юридическую ценность «мертвых» грамот. Василий II был посажен на стол ордынским послом – впервые в Москве. Юрию ханом был дан город Дмитров, вскоре в 1432 году отнятый у него Василием. Данное Василием в критический момент Всеволожскому обещание жениться на его дочери было нарушено, и в 1433 году состоялся брак Василия II с дочерью удельного князя Ярослава Владимировича. Вдобавок на свадьбе великого князя мать его, Софья Витовтовна, грубо обошлась с сыном Юрия, Василием Косым. Обиженный Всеволожский перешел на сторону Юрия; Василий Косой с братьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным уехал к отцу.

Начались беспрестанные междоусобицы. Василий II терпел поражение за поражением. Внезапная смерть Юрия расколола его противников; младшие братья не пристали к старшему, Василию Косому, объявившему себя великим князем; с их помощью

Василий II вернул себе великое княжение. Положение Василия не было, однако, прочно. Усобица, несколько лет кряду нарушавшая экономическую жизнь московского центра, поколебала верность московских торгово-промышленных кругов, искавших мира. В Твери Шемяка стал склоняться на сторону Косого (и был по подозрению в этом заточен). Сам Косой в 1436 году нарушил договор и выступил против Василия II. В открытом бою он был разбит; в плену его ослепили, Шемяку освободили и пожаловали вотчиною.

Однако положение продолжало оставаться напряженным. Хан Улу-Махмет, выброшенный из Орды к русской границе, засел в 1438 году в городе Белове; осажденный там московскими войсками, он готов был идти на какие угодно условия, отдаваясь на полную волю Василию II. Но московские воеводы хотели боевой победы – и потерпели поражение вследствие измены присланного им на помощь литовского воеводы. Улу-Махмет беспрепятственно прошел к Нижнему Новгороду и в 1439 году сделал разрушительный набег на Москву; великий князь успел бежать, каменный «город» уцелел, но посады и окрестности (до Коломны включительно) сильно пострадали. Нижний Новгород находился в осаде. У Мурома и Владимира приходилось держать усиленные гарнизоны; между ними кочевала резиденция великого князя.

В 1445 году удалось отбить движение Махмета; полагая, что безопасность временно обеспечена, Василий II вернулся в Москву встретить Пасху. Пользуясь слабостью гарнизонов, Махмет неожиданно напал на Василия II у города Юрьева и взял его в плен. Условия освобождения – тяжелый выкуп (200 000 рублей) – создали почву, благоприятную для поднявшегося вновь Шемяки: опираясь на недовольство в разных слоях общества, он привлек на свою сторону тверского и можайского князей. В феврале 1446 года Василий II был захвачен в Троицком монастыре князем можайским: Москва занята Шемякой. Сюда привезли Василия II и ослепили. Сторонники его нашли почетный прием в Литве. При посредничестве рязанского епископа Ионы, которому Шемяка обещал митрополию, новому правительству удалось обманом вызвать в Москву детей Василия II; вместе с отцом их заточили в Углич.

Эта расправа не упрочила положения Шемяки; сосредоточение недовольных на литовской территории угрожало крупными осложнениями. На церковно-боярском совете в конце 1446 года Шемяка, под влиянием особенно скомпрометированного митрополита Ионы, согласился освободить слепого Василия II. Вологда была дана ему в отчину и

стала базой тотчас же начавшегося движения в его пользу. Центр его был перенесен в Тверь, когда игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон разрешил Василия II от крестоцелования Шемяке, а тверской князь Борис отстал от Шемяки, и состоялось обручение его дочери с сыном Василия, Иваном (будущий великий князь Иван III); в Тверь потянулись и сторонники Василия II из Литвы. Московская православная кафедра, всегда сторонница сильной великокняжеской власти, не упустила момента реабилитировать себя и стать на сторону сильнейшего; отъезд Шемяки из Москвы отдал в ее руки колеблющееся столичное население, в своих руководящих торговых кругах исключительно мирно настроенное. Небольшому отряду сторонников Василия II, тайком проникших в Москву, ничего не стоило перехватать близких Шемяке людей и привести к присяге московскую массу (присяга Шемяке могла быть отменена только высшей местной, то есть митрополичьей, церковной властью).

Положение Шемяки с этого момента быстро ухудшалось, и в 1448 году он вынужден был отказаться от московского престола. В 1450 году Шемяка был окончательно обессилен под Галичем и бежал в Великий Новгород. Оттуда в 1452 году он сделал вылазку, кончившуюся неудачно. В 1453 году он внезапно скончался. Версия об отравлении его московскими стараниями, по некоторым признакам, может считаться правдоподобной.

Можайский князь бежал в Литву, и Можайск присоединен к Москве в 1454 году. Спустя два года то же случилось с боровским князем. Дошла очередь и до Великого Новгорода. Новгородские войска потерпели поражение, Новгород был приведен к покорности великому князю на небывало тяжелых условиях: десятитысячная контрибуция, отмена вечевых грамот, замена новгородской печати печатью великого князя. Это было начало конца новгородской самостоятельности. О степени раздражения новгородцев можно судить по тому, что в один из приездов Василия Васильевича в Новгород в 1460 году на вече обсуждался вопрос об убиении великого князя. В 1458–1459 годах и Вятка, в усобице 30-х годов стоявшая на стороне Юрия и его сыновей, вынуждена была «добить челом на всей воле великого князя». В 50-х же годах рязанский князь поручил свое княжество и сына московской опеке. Москва послала в Рязань наместников. Результаты княжения Василия II можно характеризовать как ряд крупных успехов: увеличение территории московского великого княжения, независимость и новая формулировка задач Русской Церкви, обновленная идея московского самодержавия и внутренне упроченная власть великого князя. В 1450 году Иван, старший сын Василия II, был сделан его соправителем; его имя

встречается на государственных грамотах. Сам же Василий Васильевич умер 27 марта 1462 года от сухотной болезни.

Глава 18. Иоанн «Великий»

Иоанн Васильевич – великий князь Московский, сын Василия Васильевича Темного и Марии Ярославны, родился 22 января 1440 года, был соправителем отца в последние годы его жизни, вступив на престол в 1462 году, он продолжал политику своих предшественников, стремясь к объединению Руси под главенством Москвы и уничтожая удельные княжества и независимость вечевых областей, а также ведя борьбу с Литвой из-за присоединившихся к ней русских земель.

Действия Иоанна не отличались особой решительностью: осторожный и расчетливый, не обладавший личной храбростью, он предпочитал достигать намеченной цели медленными шагами, пользуясь благоприятно складывавшимися обстоятельствами. Сила Москвы достигла уже значительного развития, тогда как ее соперники заметно ослабели; это придавало широкий размах осторожной политике Иоанна. Отдельные русские княжества были слишком слабы; не хватало средств для борьбы и у великого княжества литовского, а соединению этих сил мешало установившееся уже в массе русского населения сознание своего единства и враждебное отношение русских к упрочивавшемуся в Литве католицизму. Новгородцы, опасаясь за свою самостоятельность, решили было искать защиты у Литвы, хотя в самом Новгороде сильная партия была против этого решения. Иоанн сперва ограничивался увещаниями. Но литовская партия, руководимая семьей Борецких, окончательно взяла верх. Сперва был приглашен в Новгород один из служилых литовских князей Михаил Олелькович (Александрович), а затем, когда Михаил, узнав о смерти брата своего Семена, бывшего киевским наместником, ушел в Киев, заключен договор с королем польским и великим князем литовским Казимиром. Новгород отдался под его власть, с условием сохранения новгородских обычаев и привилегий. Тогда Иоанн выступил в поход, собрав многочисленное войско, в котором были вспомогательные отряды трех его братьев, Твери и Пскова. Казимир не подал помощи новгородцам, и их войска, 14 июля 1471 года, потерпели решительное поражение в битве у реки Шелони от воеводы Иоанна, князя Данила Дмитриевича Холмского.

Несколько позже другая рать новгородская была разбита на Двине князем Василием Шуйским. Новгород просил мира и получил его, под условием уплаты 15500 рублей, уступки части Заволочья и обязательства не вступать в союз с Литвой. После того, однако, началось постепенное стеснение новгородских

вольностей. В 1475 году Иоанн посетил Новгород и судил здесь суд по старине, но затем жалобы новгородцев стали приниматься и в Москве, где по ним и творили суд, вызывая обвиняемых за московскими приставами, вопреки привилегиям Новгорода. Новгородцы терпели эти нарушения своих прав, не давая предлога к полному их уничтожению. В 1477 году такой предлог явился, однако, у Иоанна: новгородские послы, Подвойский Назар и вечевой дьяк Захар, представляясь Иоанну, назвали его не «господином», как обыкновенно, а «государем».

Напрасны были ответы новгородского веча, что оно не давало своим посланникам подобного поручения; Иоанн обвинил новгородцев в запирательстве и нанесении ему бесчестия и в октябре выступил в поход на Новгород. Не встречая сопротивления и отвергая все просьбы о мире и помиловании, он дошел до Новгорода и осадил его. Лишь здесь новгородские послы узнали условия, на которых великий князь соглашался помиловать свою отчину: они заключались в полном уничтожении вечевого управления. Окруженный со всех сторон, Новгород должен был согласиться на эти условия, равно как на отдачу великому князю всех Новоторжских волостей, половины владычних и половины монастырских, успев только выторговать небольшие уступки в интересах бедных монастырей. 15 января 1478 года последовала присяга новгородцев Иоанну на новых условиях, после чего он въехал в город и, захватив вождей враждебной ему партии, отослал их в московские тюрьмы.

Новгород не сразу примирился с своей участью: в следующем же году в нем произошло восстание, поддержанное внушениями Казимира и братьев Иоанна – Андрея Большого и Бориса. Иоанн принудил Новгород покориться, казнил многих виновников восстания, заточил владыку Феофила, выселил из города в московские области более 1000 семей купеческих и детей боярских, переселив на их место новых жителей из Москвы.

Особенно широко применял Иоанн к Новгороду систему выселений: за один 1488 год было выведено в Москву более 7000 житьих людей. Путем таких мер окончательно сломлено было свободолюбивое население Новгорода. Вслед за падением новгородской самостоятельности пала и Вятка, в 1489 году принужденная воеводами Иоанна к полной покорности. Из вечевых городов только Псков сохранял еще старое устройство, достигая этого полной покорностью воле Иоанна, изменявшего, впрочем, исподволь и псковские порядки: так, наместников, избираемых вече, заменили здесь назначаемые исключительно великим князем; отменены были постановления веча о смердах, и псковичи вынуждены были согласиться с этим. Одно за другим

падали перед Иоанном и удельные княжества. В 1463 году присоединен был Ярославль, путем уступки своих прав тамошними князьями; в 1474 году ростовские князья продали Иоанну оставшуюся еще за ними половину города. Потом очередь дошла до Твери.

Князь Михаил Борисович, опасаясь возраставшей силы Москвы, женился на внучке литовского князя Казимира и заключил с ним в 1484 году союзный договор. Иоанн успел подавить восстание Новгорода.

1481 году умер Андрей Меньшой, младший брат Иоанна; задолжав ему 30 000 рублей при жизни, он по завещанию оставил ему свой удел, в котором другие братья не получили участия. Десять лет спустя Иоанн арестовал в Москве Андрея Большого, за несколько месяцев до того не выславшего своей рати на татар по его приказу, и посадил его в тесное заключение, в котором тот и умер, в 1494 году; весь удел его был взят великим князем на себя.

Уже в первые десятилетия правления Иоанна многие служилые князья литовские перешли к нему, сохраняя свои вотчины; наиболее видными из них были князья Иван Михайлович Воротынский и Иван Васильевич Бельский. По смерти Казимира, когда Польша избрала королем Яна-Альбрехта, а литовский стол занял Александр, Иоанн начал открытую войну с последним. Сделанная литовским великим князем попытка прекратить борьбу путем родственного союза с московской династией, не привела к ожидавшемуся от нее результату: Иоанн не ранее согласился на брак своей дочери Елены с Александром, как заключив мир, по которому Александр признал за ним титул государя всея Руси и передал ему все приобретенные Москвой во время войны земли. Позже самый родственный союз сделался для Иоанна только лишним предлогом для вмешательства во внутренние дела Литвы и требования прекратить притеснение православных. Сам Иоанн устами отправленных в Крым послов так объяснял свою политику по отношению к Литве: «великому князю нашему с литовским прочного миру нет; литовский хочет у великого князя тех городов и земель, какие у него взяты, а князь великий хочет у него своей отчины, всей земли Русской». Эти обоюдные притязания уже в 1499 году вызвали новую войну между Александром и Иоанном.

Заключенный в 1503 году мир закрепил за Москвой ее новые приобретения, в том числе Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский, Путивль, Рыльск и 14 других городов. При Иоанне Московская Русь, усиленная и сплоченная, окончательно сбросила с себя татарское ярмо. Хан Золотой Орды Ахмат еще в 1472 году предпринял, по внушениям польского короля

Казимира, поход на Москву, но взял только Алексин и не мог перейти Оки, за которой собралось сильное войско Иоанна. В 1476 году Иоанн отказался платить Ахмату дань, и в 1480 году последний вновь напал на Русь, но у реки Угры был остановлен войском великого князя. Сам Иоанн и теперь еще долго колебался, и лишь настойчивые требования духовенства, особенно ростовского епископа Вассиана, побудили его лично отправиться к войску и прервать переговоры с Ахматом.

Всю осень русское и татарское войско простояли одно против другого на разных сторонах р. Угры; когда стала уже зима, и сильные морозы начали беспокоить плохо одетых татар Ахмата, он, не дождавшись помощи от Казимира, отступил 11 ноября; в следующем году он был убит ногайским князем Иваком, и власть Золотой Орды над Русью рухнула окончательно. Вслед затем Иоанн предпринял наступательные действия по отношению к другому татарскому царству – Казани.

Смерть не позволила Иоанну восстановить утраченную власть над Казанью. С Крымом и Турцией Иоанн поддерживал мирные отношения. Крымский хан Менгли-Гирей, сам угрожаемый Золотой Ордой, был верным союзником Иоанна как против нее, так и против Литвы; с Турцией не только производилась выгодная для русских торговля на Кафинском рынке, но с 1492 года были завязаны и дипломатические сношения при посредстве Менгли-Гирея.

Характер власти московского государя при Иоанне подвергся значительным изменениям, зависевшим не только от фактического его усиления, с падением уделов, но и от появления на подготовленной таким усилением почве новых понятий. С падением Константинополя русские книжники стали переносить на московского князя то представление о царе – главе православного христианства, которое раньше связывалось с именем византийского императора. Такому перенесению способствовала и семейная обстановка Иоанна. Первым браком он женат был на Марии Борисовне Тверской, от которой имел сына Иоанна, прозванного Молодым, сына этого Иоанн назвал великим князем, стремясь упрочить за ним престол. Марья Борисовна умерла в 1467 году, а в 1469 году папа Павел II предложил Иоанну руку Зои, или, как она стала называться в России, Софьи Фоминишны Палеолог, племянницы последнего византийского императора.

Посол великого князя – Иван Фрязин, как его называют русские летописи, или Жан Баттиста делла Вольпе, как было его имя в действительности, окончательно устроил это дело, и 12 ноября 1472 года Софья въехала в Москву и обвенчалась с

Иоанном.

Вместе с этим браком сильно изменились и обычаи московского двора: византийская принцесса сообщила мужу более высокие представления о его власти, внешним образом выразившиеся в увеличении пышности, в принятии византийского герба, во введении сложных придворных церемоний, и отдалившие великого князя от бояр. Последние враждебно относились поэтому к Софье, а после рождения у нее в 1479 году сына Василия и смерти в 1490 году Иоанна Молодого, у которого был сын Димитрий, при дворе Иоанна явно образовались две партии, из которых одна, состоявшая из наиболее знатных бояр, в том числе Патрикеевых и Ряполовских, отстаивала права на престол Димитрия, а другая – по преимуществу незнатные дети боярские и дьяки – стояла за Василия. Эта семейная распря, на почве которой столкнулись враждебные политические партии, переплелась еще с вопросом церковной политики – о мерах против жидовствующих; мать Димитрия, Елена, склонялась к ереси и воздерживала Иоанна от крутых мер противнее, а Софья, напротив, стояла за преследование еретиков. Сперва победа была, казалось, на стороне Димитрия и бояр. В декабре 1497 года открыт был заговор приверженцев Василия на жизнь Димитрия; Иоанн арестовал сына, казнил заговорщиков и стал остерегаться жены своей, уличенной в сношениях с ворожеями. 4 февраля 1498 года Димитрий был венчан на царство. Но уже в следующем году опала постигла сторонников его: Семен Ряполовский был казнен, Иван Патрикеев с сыном пострижены в монахи; вскоре Иоанн, не отнимая еще у внука великого княжения, объявил сына великим князем Новгорода и Пскова; наконец, 11 апреля 1502 года Иоанн явно положил опалу на Елену и Димитрия, посадив их под стражу, а 14 апреля благословил Василия великим княжением. При Иоанне дьяком Гусевым был составлен первый Судебник. Иоанн старался поднять русскую промышленность и искусства и вызвал из-за границы мастеров, из которых самым известным был Аристотель Фиораванти, строитель московского Успенского собора. Иоанн умер в 1505 году.

Глава 19. Василий III

«Он шел путем, указанным ему мудростию отца, не устранился, двигался вперед шагами, размеренными благоразумием, без порывов страсти, и приближался к цели, к величию России, не оставив преемникам ни обязанности, ни славы исправлять его ошибки; был не гением, но добрым правителем; любил государство более собственного великого имени и в сем отношении достоин истинной, вечной хвалы, которую не многие венценосцы заслуживают». (Н. М. Карамзин).

Сын Иоанна III и Софьи Палеолог – Василий III продолжал политику отца по созданию единого Российского государства, «следовал тем же правилам в политике внешней и внутренней; являл скромность в действиях монархической власти, но умел повелевать; любил выгоды мира, не страшась войны и не упуская случая к приобретениям важным для государственного могущества; менее славился воинским счастием, более опасною для врагов хитростию; не унизил Россию, даже возвеличил оную…» (Н. М. Карамзин).

В самом начале правления он предпринял в 1506 году неудачный поход на казанского хана, который закончился бегством русского войска.

Такое начало очень вдохновило Литовского короля Александра, который, надеясь на молодость и неопытность Василия III, предложил ему мир на условиях возврата земель, завоеванных Иоаннам III. На это предложение последовал довольно суровый и краткий ответ – русский государь владеет только собственными землями. Зато, в посланной Александру грамоте о восшествии на престол, Василий отверг жалобы литовских бояр на русичей, как несправедливые, и напомнил о недопустимости склонения Елены (супруги Александра и сестры Василия III) и других христиан проживающих на территории Литвы к католичеству.

Александру стало ясно, что на престол сел молодой, но сильный государь. Когда же в августе 1506 года Александр умер, Василий попытался предложить себя в качестве короля Литвы и Польши, чтобы прекратить противостояние с Россией. Но на престол взошел брат Александра Сигизмунд, который не хотел мира с Россией. С досады Василий попытался отвоевать Смоленск, но после нескольких сражений не оказалось победителей, и был заключен мир, по которому за Россией оставались все завоеванные при Иоанне III земли и Россия обещала не покушаться на Смоленск и Киев. В результате этого

мирного договора в России впервые появились братья Глинские – знатные литовские вельможи, вступившие в конфликт с Сигизмундом и перешедшие под покровительство Русского государя.

К 1509 году были урегулированы внешние отношения: получены грамоты от давнего друга и соратника России – крымского хана Менгли-Гирея, подтверждающие неизменность его отношения к России; заключен 14-летний мирный договор с Ливонией, с обменом пленными и возобновлением: безопасности передвижения по обеим государствам и торговли на прежних взаимовыгодных условиях. Важно было и то, что по этому договору немцы разрывали союзные отношения с Польшей.

Теперь Василий III мог заняться внутренними проблемами. Он обратил свое внимание на Псков, который гордо носил имя «брата Новгорода». На примере Новгорода Василий знал, куда приводит вольность боярская, а потому хотел, не доводя до мятежа покорить город своей власти. Поводом к этому послужил отказ землевладельцев платить дань, все перессорились и наместник вынужден был обратиться к суду великого князя. Молодой государь в январе 1510 года поехал в Новгород, где и принял многочисленное посольство псковитян, состоящее из семидесяти знатнейших бояр. Разбор ссор закончился тем, что всех псковских бояр посадили под стражу, т. к. государь был недоволен их дерзостью против наместника и несправедливостью против народа. В связи с этим великий князь потребовал от псковичей отказа от вече и принятия государевых наместников во все их города. Знатные бояре, чувствуя свою вину и не имея сил противостоять великому князю, написали письмо народу псковскому, прося его согласиться с требованием государя. Грустно было вольным псковичам последний раз собираться на площади под звон вечевого колокола. На этом вече они и объявили послам великого князя о своем согласии покориться воле государя. Василий III приехал в Псков, навел там порядок и посадил новых чиновников; принял присягу в верности всех жителей и заложил новую церковь Святой Ксении, поминовение этой святой приходилось как раз на день конца вольности города Пскова. Триста знатных псковичей отправил Василий в Москву и через месяц уехал домой. Вслед за ним вскоре повезли и вечевой колокол псковичей.

К сожалению, к 1512 году обостряются отношения с крымским ханством. Умный и верный хан Менгли-Гирей, бывший надежным союзником Иоанна III, сильно постарел, одряхлел и политику делали его сыновья, молодые царевичи Ахмат и Бурнаш-Гирей. Сигизмунд, ненавидящий Россию еще сильней,

чем Александр, сумел подкупить смелых царевичей и подбить их на походы на Русь. Особенно неистовствовал Сигизмунд потеряв в 1514 году Смоленск, который уже 110 лет был под Литвой. Но какова была радость жителей Смоленска, вернувшихся в старинное свое христианское отечество!

Сигизмунд пожалел, что отпустил в Россию Михаила Глинского, который старательно служил новой земле, и потребовал вернуть Глинских. Особенно Михаил Глинский старался при взятии Смоленска, им были наняты искусные иностранные воины. Михаил надеялся, что из благодарности к его заслугам великий князь сделает его владетельным князем Смоленска. Но Василий не любил и не верил Глинскому – однажды изменивший изменит и второй раз. И вообще Василий боролся с уделами. Так и случилось: обидевшись, Михаил Глинский переметнулся к Сигизмунду, но к счастью, его быстро поймали воеводы и по приказу Василия в цепях отправили в Москву.

В 1515 году умер крымский хан Менгли-Гирей, и его трон наследовал сын Муххамед-Гирей, который, к сожалению, не унаследовал многих добрых качеств своего отца. В его правление (до 1523 года) крымское войско выступало то на стороне Литвы, то России – все зависело от того, кто больше платил.

Могущество России того времени вызывало уважение разных стран. Послы из Константинополя привезли грамоту и ласковое письмо от знаменитого и страшного для всей Европы турецкого султана Солимана. Добрые дипломатические отношения с ним устрашили наших вечных противников – Муххамет-Гирея и Сигизмунда. Последний даже не споря о Смоленске, заключил мир на пять лет.

Эта передышка дала Василию III время и силы исполнить давнее намерение свое и своего великого отца – окончательно уничтожить уделы. И ему это удалось. Рязанский удел, управляемый молодым князем Иоанном, чуть не отложился от России, при активном участии хана Муххамета. Посаженный в темницу, князь Иоанн бежал в Литву, где и скончался, а Рязанское княжество, бывшее 400 лет отдельным и независимым, влилось в 1521 году в государство Российское. Осталось Северское княжество, где княжил Василий Шемякин, внук знаменитого Дмитрия Шемяки, баламутившего власть во времена Василия Темного. Этот Шемякин, так похожий на деда, давно подозревался в дружбе с Литвой. В 1523 году вскрылась его переписка с Сигизмундом, а это уже открытая измена отечеству. Князь Василий Шемякин был заключен в темницу, где и умер.

Так осуществилась мечта соединить раздробленную на

удельные княжества Русь в единое целое под властью одного государя.

В 1523 году был основан на казанской земле русский город Васильсурск, и это событие означало начало решительного покорения Казанского царства. И хотя во все время правления Василию III приходилось воевать с татарами и отражать их набеги, в 1531 году казанский хан Еналей стал послушником российского государя, признал его власть.

Все хорошо складывалось в государстве Российском, но не было детей у Василия III за 20 лет супружества. И начали составляться разные боярские партии за и против развода с бесплодной Сабуровой. Государю нужен наследник. В 1525 году состоялся развод, и Соломониду Сабурову постригли в монахини, а в 1526 году Василий III взял в жены Елену Васильевну Глинскую – племянницу изменника Михаила Глинского, которая и родила в 1530 году первого сына и наследника престола Иоанна IV (Грозного). Василий III всегда имел завидное здоровье и ничем серьезно не болел, наверное поэтому, так неожиданно было то, что нарыв на ноге привел его через два месяца к смерти. Он умер 3 декабря 1533 года, успев отдать все распоряжения по государству, передав власть трехлетнему сыну Иоанну, а опекунство матери его, боярам и братьям своим – Андрею и Юрию; а уж перед последним вздохом успел принять схиму.

Василия называли добрым и ласковым государем, а потому и не удивительно, что смерть его была так горестна для народа. Все двадцать семь лет своего княжения великий князь упорно трудился во благо и величие своего государства и многого достиг.

Глава 20. Иоан Грозный

Личность царя Ивана IV (Грозного) всегда притягивала к себе, что называется отрицательным обаянием. Это была яркая личность, индивидуальность, а не посредственность. Иван Грозный остался в истории олицетворением деспотизма и тирании российского самодержавия.

Воспитанный в годы боярского правления, с 8-ми лет лишенный матери, он испытывал на себе ужасы боярских распрей и боярского разгула. Он видел кровь и лесть, очень рано начал задумываться о власти, о том, что он государь Московский и Всея Руси.

Иван родился 25 августа 1530 года в семье великого князя Василия III. Будучи трех лет от роду, он лишился отца, а в неполных восемь лет – матери Елены Глинской. Его четырехлетний брат Юрий не мог делить с ним детских забав. Ребенок был глухонемым от рождения. В соответствии с завещанием отца правление государством перешло в руки бояр, которые должны были передать власть княжичу по достижении им совершеннолетия.

Достигнув зрелого возраста, Иван не раз вспоминал его сиротское детство. В душу сироты рано и глубоко врезалось чувство брошенности и одиночества. Безобразные сцены боярского своеволия и насилия, среди которых рос Иван, превратили его робость в нервную пугливость. Ребенок пережил страшное нервное потрясение, когда бояре Шуйские однажды на рассвете вломились в его спальню, разбудили и испугали его. С годами в Иване развились подозрительность и глубокое недоверие к людям.

Иван быстро развивался физически и в 13 лет выглядел верзилой. Посольский приказ официально объявил за рубежом, что великий государь «в мужеский возраст входит, а ростом совершенного человека уж есть, а с божьею волею помышляет уже брачный сезон принятии». Дьяки довольно точно описали внешние приметы рослого юноши, но они напрасно приписывали ему степенные помыслы о женитьбе. Подросток очень мало напоминал прежнего мальчика, росшего в «неволе» и строгости; освободившись от опеки и авторитета старейших бояр, великий князь предался диким потехам и играм, которых его лишали в детстве.

Окружающих поражали буйство и неистовый нрав Ивана. Лет в 12 он забирался на островерхие терема и спихивал оттуда кошек и собак «тварь бессловесную». В 14 лет он начал

«человечков уроняти». Кровавые забавы тешили «великого государя». С ватагой сверстников, детьми знатнейших бояр, он разъезжал по улицам и площадям города, топтал конями народ, бил и грабил простонародье.

По мере того, как князь великий подрастал, интриги усиливались, бояре все чаще стали впутывать мальчика в свои распри. Попытка Воронцова войти в доверие к Ивану кончилась для него печально. Иван хорошо помнил, как в его присутствии произошла потасовка в думе, когда Андрей Шуйский и его приверженцы бросились с кулаками на боярина Воронцова, стали бить его, оборвали на нем платье, «вынести из избы убить хотели». После чего он был сослан в Кострому, несмотря на заступничество Ивана.

Эту обиду 13-летний «самодержец», однако не простил. Не прошло 3 месяцев после инцидента в думе, как один из «ласкателей» подучил великого князя казнить Андрея Шуйского. Князь Шуйский, стоявший в то время во главе управления, был по его приказанию схвачен великокняжескими псарями и убит, а его советники были разосланы в ссылку по городам. Псари набросились на боярина возле дворца у Курятных ворот, убитый лежал 2 часа «От тех мест – записал летописец – стали бояре от государя страх иметь и послушание».

Падением Шуйских, в конечном итоге воспользовались дяди великого князя – князья Глинские. По существу правление Глинских мало чем отличалось от хозяйничества Шуйских; их люди беззаконно грабили население. Бояре распоряжались в свою пользу государственным земельным фондом, государственная казна была разграблена.

Прошли долгие и долгие годы, прежде чем Иван IV добился послушания от бояр. И вот когда Ивану исполнилось 16 лет, Боярская дума и митрополит короновали его на царство. Принятие царского титула знаменовало начало его самостоятельного правления. Венчание на царство происходило 16 января 1547 года. Было сделано все, чтобы придать ему как можно больше блеска и торжественности. Над Москвой плыл колокольный звон. Звонили во всех кремлевских соборах, им вторили окраинные церкви и монастыри. Они возвещали московским жителям о торжественном событии – венчании молодого государя великого князя всея Руси Ивана Васильевича на царство.

В Кремле медленно и чинно двигалась процессия. Из великокняжеского дворца она направлялась к главному московскому собору Успения Богородицы, отстроенному при Иване III, деде нынешнего великого князя. В тяжелых меховых

шубах, соболиных, горностаевых, беличьих, крытых то восточными шелками с яркими разводами, то итальянским бархатом, то фландрским сукном, плавно двигались бояре. Завороженная великолепием шествия и серьезностью происходящего, толпа застыла. Шутка ли, венчание на царство. Такого Москва еще не видела.

По завершении чина венчания великий князь стал «боговенчаным царем». По алому бархату, струившемуся, словно поток крови, на ослепительно белом снегу, шел в свои хоромы первый русский царь, носивший этот титул на законных, с точки зрения того мира основаниях.

Столица государства, Москва, отныне украсилась новым титулом – она стала «царствующим городом», а русская земля – Российским царством. Но для народов России начался один из самых трагических периодов его истории. Наступало «время Ивана Грозного».

В пору реформ личное влияние Ивана умерялось авторитетом его советников. В молодые годы государь вместе со своими избранными советниками повел смелую внешнюю и внутреннюю политику, целью которой было: с одной стороны – привести в порядок законодательство, устроить областное управление и привлечь к нему выборных людей из различных сословий, с другой – расширить границы государства на Востоке и Западе, добиться берега Балтийского моря, укрепить связи с Западной Европой.

Эти сложные задачи требовали долгого и кропотливого труда, что не устраивало царя Ивана. Введя опричнину, он стремился разрешить задачи завершения централизации государства, преодолеть сопротивление боярской оппозиции, добиться укрепления режима личной власти и разделаться с врагами. И если отец и дед Ивана IV умело привлекали на свою сторону бывших независимых князей, давая им щедрые посулы и реальные привилегии, то Грозный внес в этот процесс непредсказуемую жестокость и деспотизм, окончательно избавился от старых советников и боярской опеки. Казалось бы, царь достиг, наконец, неограниченной власти, которой домогался. Но такое впечатление, по-видимому, страдает преувеличением.

Опричнина явилась любимым детищем Грозного, но она не была плодом только его ума и энергии. В важнейшие периоды опричнины рядом с царем Иваном неизменно выступает целая плеяда деятелей практического склада с господством людей, внушающих ужас. Кровавый террор наложил глубокую печать на все стороны политической жизни общества. Никогда еще не

расцветали столь пышным цветом низкопоклонство и славословие. Ласкатели и сотрапезники без всякой меры превозносили мудрость и непогрешимость правителя. Под влиянием страха и неумеренных славословий Грозный, несмотря на весь природный ум, все больше утрачивал перспективу, становился нетерпим к любой критике. В конце концов, он окружил себя людьми сомнительными, бессовестными карьеристами и палачами. Опричнина создала видимость всевластия московского самодержца. Но в царстве опричного террора правитель сам стал игрушкой в руках авантюристов типа Малюты Скуратова.

В юности Иван увлекался религией, в зрелые годы стал законченным фанатиком. Многие жестокие и непостижимые его действия имели в качестве побудительного мотива религиозный фанатизм. От сумасбродства и жестокости царь Иван легко переходил к покаянию. Также с удивительной легкостью он переходил от смирения к гордыне и гневу, унижавшему и уничтожавшему собеседника. Царь не прочь был затеять словесный поединок с жертвой в тот момент, когда палач уже приготовил топор.

В браке Ивану суждено было насладиться счастьем, не выпадавшим на долю его предков. Первой его женой была Анастасия, дочь боярина Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина. Молодой царь любил свою жену. Спустя много лет, Иван с сожаленьем вспоминал о радостях и счастье, которые ему доставил союз с Анастасией. Брак состоялся 3 февраля 1547 года. Не прошло и трех месяцев после этого, как вспыхнул пожар, уничтоживший целую часть столицы. Красивая и ласковая Анастасия казалась ангелом-хранителем, который удержит государя от вспышек гнева и даст покой подданным. Но влияние Анастасии было преувеличено. Она оставила Ивану 2 сыновей. Младший из них, Федор, был болезнен и слаб умом. С ним не считались. Старший, Иван, по-видимому, и физически, и нравственно напоминал отца, делившего с ним занятия и забавы. Второй раз Иван женился в 1561 году на Марии, полудикой черкешенке Темрюковне. Умерла она в 1569 году. О ней ходила молва, что она была также распущена по своим нравам, как и жестока по природе. Через 2 года после ее смерти Иван избрал себе в жены дочь простого новгородского купца – Марфу Васильевну Собакину. Она прожила после свадьбы всего лишь 2 недели. Царь уверял, что ее отравили раньше, чем она стала его женой, т. е. она умерла девственницей.

Этим царь хотел оправдать свое намерение вступить в 4 брак, о котором он стал думать немедленно после смерти Марфы.

Церковные правила препятствовали осуществлению его намерения. Он стал доказывать необходимость для себя нового союза, утверждая, что у него одну за другой отравили 3 жены, он говорил, что после смерти 2 супруги он уже сам был готов уйти в монастырь. Только заботы о воспитании детей и о своем государстве удержали его. Он должен избрать себе подругу, чтобы «избежать греха». Церковь уступила настоятельным просьбам царя.

В 1572 году он повел к алтарю дочь одного из своих придворных вельмож, Анну Колтовскую. Через 3 года он заточил ее в монастырь. Предлогом для этого послужило обвинение, предъявленное к царице, в заговоре царицы против царя. Развод сопровождался рядом казней, совершенно истребивших семью царицы. Анна прожила в Тихвине до 1626 года под именем инокини Дарьи. После этого царь приблизил одну за другой двух наложниц – Анну Васильчикову и Василису Мелентьеву. Обе они признавались его супругами.

По свидетельству летописей, Анна продолжала еще 3 года пользоваться ласками царя. Но умерла она все-таки насильственной смертью. Карьера Василисы была более короткой, еще совсем молодой и красивой, она была заточена в один из подгородных монастырей.

По преданию, в 1573 году на смену Василисе явилась новая любовница, Мария Долгорукая. Однако после первой же ночи Иван бросил ее. Долгорукая погибла: ее посадили в коляску, запряженную лихими лошадьми, и утопили в реке.

В сентябре 1580 года царь вступил в 7 или 8 более или менее законный брак с Марией Нагой, дочерью боярина Федора Федоровича. Она скоро стала матерью царевича Дмитрия. В то же время царь женил своего сына Федора на сестре Бориса Годунова Ирине, и создал, таким образом, новую семью, на которой сосредоточилась его любовь. Впрочем, это не мешало ему лелеять мечту о браке с Марией Гастингс.

Легко себе представить, чем могла быть при таких условиях домашняя жизнь царя. Больше всех своих сыновей царь любил старшего Ивана, наследника царского престола, между отцом и сыном существовало согласие в идеях и чувствах. Они даже менялись своими любовницами. Но однажды, оскорбленный внешним видом своей невестки, царь ударил ее с такой силой, что она прежде времени разрешилась от бремени. Естественно, что царевич не сдержался от упреков в адрес отца. Грозный вспылил и замахнулся своим посохом. Удар был нанесен царевичу прямо в висок.

Преступление было совершено царем без умысла, но оно все

же перешло ту меру, к которой привыкли его современники. Смерть наследника явилась как бы народным бедствием, так как будущее московского престола представлялось весьма печальным. Федор был блаженный, Дмитрий – еще дитя. От своих любовниц царь имел несколько сыновей, но они не признавались его законными наследниками.

Вследствие этого, царь больше, чем когда-либо, старался заглушить свою печаль и терзания совести в самом необузданном разврате. Эти излишества окончательно подорвали и без того уже расстроенное его здоровье. Царь умер 18 марта 1584 года. Он пригласил Бориса Годунова сыграть с ним в шахматы и сам уже начал расставлять фигуры по доске, как вдруг почувствовал себя дурно. Спустя несколько минут он уже хрипел в агонии. Он оставил своему сыну Федору царский венец, а Борису Годунову – государственную власть.

Глава 21. Федор «Блаженный»

Традиционно принято считать, что правление Иоанна IV, грозного царя – один из самых кровавых периодов в жизни русского государства. 18 марта 1584 года Иоанн Грозный умер. Незадолго до смерти Иоанна, 19 ноября 1582 года, старший брат Федора, Иван, был убит своим отцом, и с этого времени Федор стал считаться наследником царского престола. На царском троне, где еще недавно восседал грозный тиран и свирепый мучитель, Россия увидела двадцатисемилетнего «постника и молчальника, более для кельи, нежели для власти державной рожденного». Так говорил в часы искренности о своем сыне Федоре сам Иоанн Грозный, оплакивая смерть любимого, убитого им самим старшего сына. И внешне ничего царственного не было в облике нового царя: ни сановитой наружности отца, ни мужественной красоты деда и прадеда.

По отзыву англичанина Д. Флетчера, новый царь был «росту малого, приземист и толстоват, телосложения слабого и склонен к водянке; нос у него ястребиный, поступь нетвердая от некоторой расслабленности в членах; он тяжел и недеятелен, но всегда улыбается, так что почти смеется… Он прост и слабоумен, но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, не имеет склонности к войне, мало способен к делам политическим и до крайности суеверен». Хотя и был он в возрасте, но по складу ума оставался младенцем. Польский посланник Сапега, представленный Федору, писал о русском царе: «Хотя про него говорили, что у него ума не много, но я увидел, как из собственного наблюдения, так и из слов других, что у него вовсе его нет».

Умирающий Грозный в помощь сыну создал Верховную Думу из пяти человек: Никиты Романова, Ивана Мстиславского, Ивана Петровича Шуйского, Богдана Бельского и Бориса Годунова. Однако среди членов Думы однозначного отношения к Федору не было. Если Никита Романович и Борис были сторонниками его воцарения, то Богдан Бельский вынашивал мысль посадить на престол последнего сына Грозного, Дмитрия. Но доброхоты Федора Иоанновича сумели обезопасить Бельского и других сторонников Дмитрия: в первую же ночь после смерти Грозного они схватили многих из семейства Нагих, разослали их по разным городам, а потом младенца Дмитрия с матерью Марией Нагой отослали в Углич. Сам Бельский был отправлен воеводой в Нижний Новгород.

31 мая 1584 года Федор Иоаннович венчался на царство.

Мягкосердечному царю, не имеющему ни государственного ума, ни твердости духа, ни желания управлять государством, нужен был советник или помощник, на которого он возложил бы всю тяжесть царствования. За право быть ему опорой и развернулась борьба между членами Верховной Думы. После отхода от государственных дел по болезни Никиты Романова и ссылки в Нижний Бельского главным лицом для царя становится его шурин Борис Федорович Годунов.

Годунов был известен при дворе еще во времена Иоанна Грозного. Бывший опричник, женатый на дочери Малюты Скуратова, жестокого вершителя казней, Годунов, благодаря чрезвычайной осмотрительности и осторожности, не запятнал свое имя кровью. Говорили, что Грозный сильно избил его своим жезлом, когда тот заступался за царевича Ивана, и что царь, осознавши свой великий грех, приблизил затем Годунова к себе…

К началу царствования Федора Годунову было тридцать два года. Красивый, умный, расчетливый, ловкий, изворотливый, он имел огромное влияние на царя. В том помогала ему сестра Ирина – жена царя Федора. Ирина многое делала для создания прочного союза между царем, не способным властвовать, и братом, рвущимся к власти.

Любя свою супругу, кроткий Федор и в хитром, льстивом брате ее видел лишь своего истинного добродетеля, а потому с радостью в душе целиком передавал ему управление страной. Властолюбивый Борис, поставивший перед собой цель непременно взойти на Олимп власти и тем возвысить свой род, умело пользовался и любовью царя, и ситуациями. Действуя осторожно, обдуманно и только наверняка, он вскоре получил самый высокий боярский титул и стал наместником двух царств: Казанского и Астраханского. Был он после царя самым богатым человеком в России. Он был уже не просто временщик и любимец, а властитель в государстве. По существу, Годунов стал истинным правителем. Он повелевал именем царя, но действовал по своему усмотрению и по совету близких ему людей.

Именем царя были смещены «худые» воеводы, увеличили жалованье чиновникам. Следовало восстановить честь оружия и спокойствие России. Начали с Казани. Годунов больше умом, чем мечом, усмирил мятежных черемисов. Во внешних делах Борис Годунов следовал правилам лучших времен Ивана Грозного. Продолжались сношения с Англией и Литвой. В итоге переговоров Россия и Литва заключили мир на 2 года. Россия постоянно остерегалась Крымского ханства. Хан Магмет-Гирей не раз посылал отряды татар в юго-восточные пределы России. Одновременно Федор и бояре внимательно следили за

действиями Турции. На юго-востоке в 1586 году кахетинский царь Александр отдался в подданство московскому государю.

Так в течение первых лет царствования Федора (или правления Годунова) проводилась Россией внешняя политика – не без хитрости и не без успехов, более осторожно, чем смело, с помощью угроз и обещаний, не всегда искренних. Русские не шли на войну, но готовились к ней, везде усиливали рать, проводили воинские смотры.

Нелегко было оставшимся членам Верховной Думы и представителям знатных боярских родов смирить гордыню, видя стремительное возвышение любимца царя, еще очень молодого, татарского происхождения и незнатного. Иван Мстиславский и Шуйские составили против Годунова заговор с целью его убийства. Но, ни заговор, ни последующая затем попытка расторгнуть брак Федора с якобы бесплодной Ириной и тем отторгнуть Бориса от царя, успеха не имели. Набравший силу Годунов жестоко расправился со своими противниками. По его приказу Иван Мстиславский был пострижен в монахи, а Иван Петрович и Андрей Иванович Шуйские были тайно умерщвлены. Вместе с ними пострадало и много других знатных людей: иных сослали, других посадили в темницы, а кому-то отрубили голову. Было пролито множество невинной крови. Пострадал и митрополит Дионисий, пытавшийся было защитить перед царем жертвы годуновской мести. Но слишком близко к Федору был его шурин. Митрополит был свергнут и заключен в монастырь. Новым митрополитом был назначен покорный Борису архиепископ Иов.

С этих пор Борис Федорович Годунов сделался единым и самовластным правителем в Московском государстве. Правда, оставался еще главный претендент на престол – царевич Дмитрий из Углича, но Борис никогда не забывал о его существовании…

Внутри царства все было спокойно. Федор только значился царем. Фактически всеми государственными делами управлял Годунов, «закрывавший своей колоритной фигурой слабую тень венценосца». Он поддерживал значение Федора как царя на такой высоте, на какой ему было это выгодно. Правительство занималось переписью людей и пашенных земель, налоговой политикой, заселением пустующих земель, постройкой городов. В 1584 году московские воеводы Нащекин и Волохов основали на берегу реки Северная Двина город Архангельск. Астрахань укрепили каменной стеной. Оживилось строительство в Москве. Был основан город Уральск; около 1584 года 600 или 700 волжских казаков выбрали себе место жительства на берегах реки Яик. Это было время расцвета в истории донских и волжских

казаков. От Азова до Искера гремела их слава, раздражая турецкого султана и крымского хана. Казаки смиряли ногаев и утверждали власть московских царей за Уралом, в Сибири. В Сибири с успехом продолжалось покорение и колонизация страны, были построены Тюмень, Тобольск.

Не пытаясь вершить государственными делами, Федор Иоаннович всецело отдался своим склонностям. Простой, тихий, чрезвычайно набожный, очень ласковый и милостивый царь вставал около четырех часов утра и после туалета принимал своего духовного отца с крестом, который лобызал. Затем крестовый дьяк вносил в комнату икону Святого, празднуемого в тот день, перед которой Федор молился около четверти часа… Любил он вкусно поесть и обязательно отдыхал два или три часа днем. Весь день проводил он в моленьях, службах, ласковых беседах с боярами и нежном ворковании с супругой. Вечер проводил с шутами, карлами и карлицами. После ужина умиротворенно молился и отходил ко сну…

После смерти короля польского (Речи Посполитой) Стефана Батория (1586 год) у некоторой части литовско-польских панов возникло желание посадить на освободившийся престол московского государя Федора Иоанновича, объединив под началом единого короля Литву, Польшу и Россию. Идея эта всячески поддерживалась Годуновым. И если бы русская сторона выплатила 200 тысяч рублей, сумму, требующуюся для успеха Федора на выборах в сейме, избрание его было бы вполне вероятным. Но денег в казне не нашлось. Сейм избрал королем Речи Посполитой шведского королевича Сигизмунда, того самого, чье участие в делах России в смутное для нее время будет особенно заметным.

Царствование Федора Иоанновича было довольно мирным: ни царь, ни правитель войны не любили и брались за оружие лишь в случае крайней необходимости. И все-таки однажды пришлось прибегнуть к силе. В вялотекущей войне со Швецией (1590–1595) русским удалось вернуть Иван-город, Яму, Копорье и Корелу, отнятые у России при Иоанне Грозном.

Не все спокойно было и в некоторых районах страны: Казань доставляла немало хлопот; какое-то брожение наблюдалось в черемисских лесах. По решению правительства, на горной и луговой сторонах Волги были построены города-крепости: Цивильск, Уржум, Царевгород на Кокшаге, Санчурск и другие. С их заселением в этих, еще недавно бедственных землях, стало спокойнее и тише.

15 мая 1591 года царевич Дмитрий был убит в Угличе, по официальной версии, смертельно ранив себя ножом во время

эпилептического припадка. Добрый Федор неутешно плакал по брату. По факту убийства была назначена следственная комиссия, в которой одним из главных исполнителей был боярин Василий Иванович Шуйский.

Как ни старался Годунов показать свою невинность в смерти Дмитрия, в народе крепло убеждение, что сделал это именно он. И народ, несмотря на все благодеяния и милости, которые делал для него хитрый правитель, не мог простить ему мученической смерти царевича, последнего отпрыска царского дома. Историки до сих пор делятся на тех, кто считает Бориса Годунова организатором убийства царевича Дмитрия, и тех, кто связывает его гибель с несчастным случаем.

Нападение крымского хана Казы-Гирея в июне 1591 года на Русь несколько отвлекло народ и Бориса от дум о Дмитрии. Хан, уверяя, что идет на Литву, неожиданно с большими силами подошел к столице. Борьба с татарами шла прямо на московских полях и закончилась поражением хана. В память о спасении Москвы был заложен Донской монастырь, от имени святой иконы Богоматери, которая была с Дмитрием на Куликовском поле и с Годуновым в московской битве с Казы-Гиреем. Вся честь победа должна была приписываться Борису: об этом велено было рассказывать и в чужих землях.

Через год после убийства Дмитрия у Федора родилась дочь Феодосия, которая вскоре умерла. Среди народа, недоверчивого к Годунову, распространился слух, что Ирина родила сына, но Борис подменил его девочкой, чтобы не было претендентов на престол. Говорили, что и в смерти девочки он также виновен.

Самым важным и печально памятным делом Годунова в царствование Федора было прикрепление крестьян к земле. Недостаток рабочих рук для обработки больших земельных площадей приводил к тому, что крестьяне, недовольные своими хозяевами, перебегали от одного землевладельца к другому. До сих пор переход крестьян разрешался в течение двух недель около осеннего Юрьева дня. Стремясь расположить к себе служилых людей, в основном мелких помещиков-землевладельцев, Годунов от имени царя запретил всяческие переходы крестьян от помещика к помещику. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» – горькая шутка-ирония надолго стала крестьянской поговоркой. А в 1598 году вышел указ, по которому вольные слуги, прослужившие у господина более полугода, становились его холопами. Они прикреплялись уже не к земле, а к господину, отдаваясь в его полную власть. Несчастное крепостное право в России сформировалось…

Борис, стараясь удержать народонаселение в середине

государства, нуждался, однако и в расширении его на окраинах. Нашествие крымского хана убеждало его в необходимости умножать число городов на юге и населять ратными людьми. Таким образом, в конце 1593 года Борис расселил крестьян вниз по реке Осколу – Белгород, Оскол, Валуйки.

В царствование Федора Иоанновича в России было учреждено патриаршество. До этого русские первосвятители носили титул митрополита. Назначение митрополита всегда утверждалось константинопольским патриархом. Но со второй половины XV века, особенно после захвата турками Царьграда (Константинополя) в 1453 году, значение константинопольского патриарха, ставшего как бы пленником турецкого султана, стало падать. Русская церковь стала вполне самостоятельной, а московский митрополит и по власти, и по средствам был несравненно выше лишенного власти и средств патриарха. Первым русским патриархом был назначен (26 января 1589 года) митрополит Иов. Собор восточных патриархов через два года учредил введение патриаршества в России…

В конце 1597 года Федор тяжело заболел. Царь постепенно лишился зрения и слуха. 7 января 1598 года Федор Иоаннович скончался.

Перед смертью простился он наедине с нежной супругой своей Ириной, а на печальный вопрос патриарха, кому оставляет он царство, подданных и царицу, прошептал в ответ: «в царстве, в вас и в моей царице волен Господь Всевышний…» Борис Годунов объявил позднее, что Федор вручил державу Ирине, а главными советниками ее назначил патриарха Иова, двоюродного брата своего Федора Никитича Романова и шурина, Бориса Годунова.

Девятого января совершилось погребение Федора в храме Архангела Михаила, рядом с могилой Иоанна IV Грозного.

Народ любил почившего государя, приписывая действию его молитв благосостояние Отечества. Знаменитый памятник Москвы – Царь-пушка. Известно, что отливал ее на Пушечном дворе, который находился между современными улицами Неглинкой, Пушечной и Рождественкой, «пушечный литеец» Андрей Чохов «Повелением Благоверного и Христолюбивого Царя и Великого Князя Федора Иоановича, Государя и Самодержца всея Великия России, при Его Благочестивой и Христолюбивой Царице и Великой Княгине Ирине. Слита бысть сия пушка в преименитом и царствующем граде Москве лета 7094 (1586), в третье лето Государство его». Сделана пушка из бронзы, на ней изображен государь Федор Иоаннович со скипетром и в короне, за что и получила она царский титул.

Со смертью Федора Блаженного пресеклось на троне

московском знаменитое варяжское поколение. Династия Рюриковичей правила русским государством на протяжении почти 736 лет, исчисляя от начала княжения князя новгородского Рюрика.

Через девять дней после кончины Федора объявили, что Ирина отказывается от царства и навеки отправляется в монастырь. Эта весть поразила Москву. Представители высшего духовенства, царские чиновники, дворяне, горожане пали перед венценосной вдовой, неутешно плакали и заклинали ее не оставлять трон. Но царица ответила, что ее воля неизменна и что государством будут править бояре вместе с патриархом. В тот же день Ирина выехала из Кремля в Новодевичий монастырь, под именем Александры приняла постриг и вступила в сан инокини. Россия осталась без главы, а Москва – в тревоге и волнении.

Имя царя Федора Иоанновича стало особенно популярно в годы Смуты, в начале 17 века. Каждый самозванец, так или иначе, стремился стать либо родным братом Федора, либо его близким родственником. В народном сознании он оставил по себе добрую память как боголюбивый и милостивый государь. Некоторые историки предполагают, что он был отравлен. Весьма уверенно писал об отравлении в своих записках голландский купец Исаак Масса, живший в Москве в 1601–1609 и 1612–1634 годах: «Федор Иоаннович внезапно заболел и умер 5 января 1598 года. Я твердо убежден в том, что Борис ускорил его смерть при содействии и по просьбе своей жены, желавшей скорее стать царицею, и многие московиты разделяли мое мнение».

Глава 22. Конец династии Рюриковичей

18 марта 1584 года московские колокола своим грустным перезвоном возвестили жителям столицы о кончине царя Ивана Васильевича Грозного. При этой вести народ забыл все великие жестокости Грозного царя, забыл всю ненавистную его опричнину, а вспоминал только такие великие дела его царствования, как взятие Казани, завоевание Астрахани и Сибири, издание Царского Судебника и построение в Москве великого храма Василия Блаженного. Русские люди искренно молились об упокоении грозного, но вместе и великого по своим деяниям государя.

После царя Иоанна остались два его сына: Федор, бывший сыном всеми любимой, кроткой Анастасии Романовны, первой супруги Грозного, и малолетний царевич Димитрий, которому отец незадолго до смерти назначил в удел город Углич. Царь уже давно чувствовал приближение смерти и сделал все распоряжения, поэтому старший сын его Федор спокойно, без всяких волнений и смут, как говорил летописец, «воцарися и седе на превысочайший престол Богом хранимого Российского Царствия».

Все в государстве, однако, сознавали, что новый царь не будет в состоянии справиться с государственными делами. Постник и молчальник, он больше походил на смиренного инока, чем на царя. Это хорошо видел уже и его отец, который постарался окружить сына верными и опытными в делах государственных людьми. В первые дни около нового царя мы видим пятерых бояр, которые, составляя как бы постоянный совет при нем, ведают всеми делами правления.

Среди этих пятерых лиц по своим душевным качествам и по своему влиянию на московское население выдается боярин Никита Романович Юрьев-Захарьин, дядя царя, брат его матери Анастасии. Он был во все царствование Грозного вблизи государя, пользовался его неизменным доверием; однако не только не запятнал себя ни малейшим участием в его жестокостях, но даже прославился как постоянный ходатай перед ним за опальных; не раз добрая рука Никиты Романовича вырывала их из цепких когтей Малюты Скуратова.

Сотни три лет прошло с тех пор, как скончался этот замечательный человек, но и сейчас еще на далеком нашем севере живет предание о том, как Никита спас от гнева Грозного

его собственного сына… Понятно, почему именно он, как царский дядя и как самый светлый человек среди московского боярства, занял первое место у трона молодого государя.

Пока был жив Никита Романович, он своим добрым советом и влиянием сдерживал ненависть среди бояр. Но вот через год старика Захарьина не стало, и вражда среди бояр проявилась сильно и резко. Шурин государя Борис Федорович Годунов стал принимать все меры, чтобы устранить опасных соперников и одному править государством. После смерти Захарьина опала постигла знатнейших бояр, среди них князей Мстиславского и Шуйских: они были разосланы по дальним тюрьмам и монастырям. Борис в это время еще дружен был с молодыми Романовыми (так стали называться сыновья Никиты по имени своего деда). Говорят, что старик, умирая, взял с Годунова клятву в том, что он будет заботиться о его сыновьях, и Годунов пока исполнял свое обещание. Тем временем власть его в государстве все более увеличивается: он получает титул «правителя», «дворового воеводы» и «наместника царств Казанскаго и Астраханскаго». Не только русские, но и иностранцы, посещающие Москву, замечают, что он, а не Федор, правит царством. И нельзя сказать, чтобы это правление было плохо: царский шурин, человек умный и опытный, старался успокоить государство после тех потрясений, какие оно испытало при Грозном, и имел в этом добром деле успех.

Так смирно и спокойно протекала жизнь государства, как вдруг в 1591 году она была нарушена страшным событием: семилетний царевич Димитрий 15 мая был зарезан в Угличе. Жители Углича в тот же день умертвили приставленных к нему Борисом Битяговского, Качалова и их товарищей, которых считали виновниками ужасного злодеяния. Через четыре дня из Москвы приехали лица, посланные расследовать все дело: это были митрополит Крутицкий Геласий, князь Василий Шуйский, недавно перед тем возвращенный Годуновым из ссылки и с ним породнившийся, и окольничий Клешнин, всем обязанный Борису. Эти следователи вели дело бестолково, а может быть, и недобросовестно и, вернувшись в Москву, донесли царю и боярской думе, что царевич вовсе не был убит, а сам в припадке падучей натолкнулся на нож. Боярская дума этим странным объяснением осталась довольна, а угличан за самоуправство и за убийство якобы невинных людей сурово наказала. Однако народ не мог поверить наивному объяснению московских следователей и говорил, что царевич убит; а многие прибавляли, что он убит по наущению Годунова.

Это страшное дело в Угличе и до наших дней осталось

нераскрытым окончательно. Есть некоторые основания считать Годунова виновным в гибели царевича, но доказать его виновность невозможно. Как бы то ни было, но ближайшего наследника царского престола в 1591 году не стало. С Федором прекратился царский род Рюриковичей, правивший Русью более 700 лет.

Глава 23. Неразгаданные тайны династии Рюриковичей

От распутника до святого

Великий киевский князь Владимир – креститель Руси – до крещения был известен как «великий распутник», имевший несколько сот наложниц в Киеве и в загородной резиденции Берестове. Помимо этого, он состоял в нескольких официальных языческих браках, в частности, с Рогнедой, с «чехиней» (на союз с Чехией он, по некоторым данным, опирался в борьбе с Ярополком, союзником германского императора) и «болгарыней» (из волжских или дунайских болгар – неизвестно; по одной из версий, это была дочь царя дунайских болгар Петра, а Борис и Глеб были ее детьми). Кроме того, Владимир сделал наложницей вдову своего брата Ярополка, греческую монахиню, похищенную во время одного из походов. Вскоре она родила сына Святополка, который считался «от двух отцов»: Владимир рассматривал его как своего законного наследника, в то время как сам Святополк, по косвенным данным, считал себя сыном Ярополка, а Владимира – узурпатором. После крещения Владимир состоял предположительно в двух последовательных христианских браках – с византийской царевной Анной, а после ее смерти в 1011, с неизвестной «мачехой Ярослава», попавшей в плен в 1018 году. У Владимира было от разных женщин 13 сыновей и не менее 10 дочерей.

Братоубийца

Князь Туровский Святополк Владимирович занял Киевский престол, убив своих сводных братьев.

По рассказу «Повести временных лет», рожден гречанкой, вдовой великого князя киевского Ярополка Святославича, погибшего в междоусобной войне с братом, князем новгородским Владимиром и взятой последним в наложницы. В одной из статей летопись говорит, что вдова уже была беременна. В таком случае отцом Святополка был Ярополк. Тем не менее, Владимир называл Святополка своим законным сыном (третьим по старшинству) и дал ему княжение в Турове.

Незадолго до смерти Владимира Святополк находился в

Киеве в заключении. Вместе с ним под стражу была взята его жена. Причиной ареста Святополка, который восстал против Владимира, был, по-видимому, план Владимира завещать престол своему любимому сыну Борису. Примечательно, что и другой – старший сын Владимира, новгородский князь Ярослав, получивший впоследствии прозвище Мудрый, также примерно в это же время восстал против отца.

После кончины Владимира 15 июля 1015 года Святополк оказался ближе всех других братьев к Киеву, вышел на свободу и без особых затруднений вступил на престол: его поддержал и народ, и бояре, составлявшие его окружение в Вышгороде под Киевом. В Киеве Святополк успел выпустить сребреники (известно 50 таких монет), похожие на сребреники Владимира.

В течение того же года были убиты три сводных брата Святополка – Борис, муромский князь Глеб и древлянский Святослав. «Повесть временных лет» обвиняет Святополка в организации убийства Бориса и Глеба, которые при Ярославе были прославлены как святые мученики. Согласно летописи, Святополк послал вышгородских мужей убить Бориса, узнав же, что брат еще жив, велел варягам добить его. Глеба он, согласно летописи, призвал именем отца в Киев и послал людей убить его по дороге. Святослав погиб, пытаясь бежать от убийц в Венгрию.

Останки Ярослава Мудрого

В XX веке саркофаг Ярослава Мудрого в Софийском соборе в Киеве вскрывался три раза: в 1936, 1939 и в 1964 годах. В 2009 году гробница в Софийском соборе вновь была вскрыта, а останки отправили на экспертизу. При вскрытии были обнаружены советские газеты «Известия» и «Правда», датированные 1964 годом. Опубликованные в марте 2011 года результаты генетической экспертизы таковы: в гробнице покоятся не мужские, а только женские останки, причем, составленные из двух скелетов, датирующиеся совершенно разным временем: один скелет времен Киевской Руси, а второй на тысячу лет древнее, то есть времен скифских поселений. Останки киевского времени, по утверждению ученых-антропологов, принадлежат женщине, при жизни много занимавшейся тяжелым физическим трудом, – явно не княжеского рода. Первым о женских останках среди найденных скелетов было написано в 1939 году. Тогда было объявлено, что помимо Ярослава, в гробнице похоронены и другие люди. На след праха Ярослава Мудрого может вывести икона Николы Мокрого, которая была вывезена из Софийского собора представителями

церкви, отступившими вместе с немецкими оккупантами из Киева осенью 1943 года. Икона была обнаружена в Свято-Троицком храме (Бруклин, Нью-Йорк, США) в 1973 году. По мнению историков, останки великого князя также следует искать в США.

Смерть Ивана Грозного

Много загадок не только в жизни и смерти первых, но и последних представителей династии Рюриковичей. Так, исследование останков Ивана Грозного показало, что в последние шесть лет жизни у него развились остеофиты (наросты на костной ткани), причем, до такой степени, что он уже не мог ходить – его носили на носилках. Обследовавший останки антрополог М. М. Герасимов отмечал, что не видел таких мощных отложений и у самых глубоких стариков. Вынужденная неподвижность, соединившись с общим нездоровым образом жизни, нервными потрясениями привела к тому, что в свои 50 с небольшим лет царь выглядел уже дряхлым стариком.

В феврале и начале марта 1584 года царь еще занимается государственными делами. К 10 марта относится первое упоминание о болезни (когда был остановлен на пути к Москве литовский посол «в связи с государевым недугом»). 16 марта наступило ухудшение, царь впал в беспамятство, однако 17 и 18 марта почувствовал облегчение от горячих ванн. Но после полудня 18 марта царь умер. Тело государя распухло и дурно пахло из-за разложения крови.

Существовали упорные слухи о насильственной смерти Грозного. Летописец XVII века сообщал, что «царю дали отраву ближние люди». По свидетельству дьяка Ивана Тимофеева Борис Годунов и Богдан Бельский «преждевременно прекратили жизнь царя». Коронный гетман Жолкевский также обвинял Годунова: «Он лишил жизни царя Ивана, подкупив врача, который лечил Ивана, ибо дело было таково, что если бы он его не предупредил (не опередил), то и сам был бы казнен с многими другими знатными вельможами». Голландец Исаак Масса писал, что Бельский положил яд в царское лекарство. Англичанин Горсей также писал о тайных замыслах Годуновых против царя и выдвинул версию удушения царя: «По-видимому, царю дали сначала яд, а затем для верности, в суматохе, поднявшейся после того, как он внезапно упал, еще и придушили». Историк Валишевский писал: «Богдан Бельский со своими советниками извел царя Ивана Васильевича, а ныне хочет бояр побити и хочет подыскать под царем Федором Ивановичем царства Московского

своему советнику (Годунову)».

Версия об отравлении Грозного проверялась при вскрытии царских гробниц в 1963 году: исследования показали нормальное содержание в останках мышьяка и повышенное содержание ртути, которая, однако, присутствовала во многих лекарственных препаратах XVI века и которой лечили, в частности, сифилис, которым предположительно был болен царь. Версия убийства осталась гипотезой.

В то же время, главный археолог Кремля Татьяна Панова совместно с исследовательницей Еленой Александровской сочли выводы комиссии 1963 года некорректными. По их мнению, допустимая норма мышьяка у Ивана Грозного превышена более, чем в 2 раза. По их мнению, царь был отравлен «коктейлем» из мышьяка и ртути, который давался ему в течение определенного времени.

Смерть Царевича Дмитрия

Не разгадана также и тайна смерти царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного. Официально он не мог претендовать на престол, так как был от шестой жены Грозного, а церковь признавала только три брака. Погиб Дмитрий во время царствования своего старшего брата, Федора Иоанновича, однако из-за слабого здоровья последнего реальное управление государством осуществлял боярин и шурин царя Борис Годунов. Долгое время была широко распространена версия о том, что именно Годунов, который заранее готовил себе царский престол после смерти бездетного царя Федора, организовал убийство царевича Дмитрия.

Однако есть и другая версия: это был несчастный случай. Первоначальная следственная комиссия установила следующую картину: царевич, которому на тот момент не исполнилось и девяти лет, играл «в ножички» со своими сверстниками. Во время игры у него случился приступ, похожий по описанию на приступ эпилепсии, в результате которой он получил смертельную рану на шею. Судя по показаниям свидетелей, рану Дмитрий получил от ножа, который держал в руках и на который упал после начала приступа. Брат царицы Марии Нагой, которому и было поручено оберегать царевича, испугался возможного наказания за роковой недосмотр и обвинил нескольких человек в том, что они убили Дмитрия. Разгневанная толпа растерзала «убийц», но впоследствии следствие установило, что в момент гибели царевича обвиненные находились на другом конце города.

Впрочем, в этой истории была и еще одна загадка. Когда в начале XVII века на восточных границах появился Лжедмитрий I, объявивший себя чудесно спасшимся от подосланных Борисом Годуновым убийц царевичем Дмитрием, значительная часть населения ему поверила. Более того – в нем якобы узнала сына и царица Мария Нагая, к тому времени ставшая монахиней. По иронии судьбы Лжедмитрия I на троне сменил Василий Шуйский, в 1591 году возглавлявший следственную комиссию. На этот раз он заявил, что царевич был убит, но по приказу Бориса Годунова. Так что ясности в вопросе о судьбе последнего из династии Рюриковичей нет до сих пор, хотя современные историки склоняются к мнению, что имел место несчастный случай, а Годунов не вынашивал планов против Дмитрия, не имевшего законных прав на трон.

Заключение

Каждый народ вправе гордиться своей историей. Но история русского народа – неповторимая, особенная, самобытная. Ее тысячелетиями создавали наши предки, они формировали государственность, по крупицам собирали земли, оттачивали русский язык, приумножали культуру, выковывали русский характер. То, что нам досталось от прошлых поколений, добыто трудом и кровью миллионов людей.

Кто такие русские, откуда они, где их прародина? Почему в одних случаях мы говорим – русский, в других – российский? Когда и как образовано Русское государство? Кто были его правители? Как, благодаря их уму и коварству, терпению и беспринципности, Россия становилась могущественной державой или превращалась в легкую добычу для завоеваний?

Потомки Рюрика властвовали над русскими землями 740 лет. Они непрерывно правили с 862 по 1598 год. Почти семь с половиной веков династия Рюриковичей создавала, берегла и укрепляла Русь. Этот великий род сыграл колоссальную роль в развитии и становлении Российского государства.

За время их правления на Руси возросло влияние великокняжеской власти. В течение почти семи с половиной веков династия Рюриковичей не только создала, но сберегла и укрепила Русь. Были завершены все те начинания основы, которых были заложены в начальный период правления Рюриковичей. Их наследие было преумножено. Результатом этого стало существование сильного независимого государства, способное выстоять в самых трудных условиях. Русь превратилась в Россию, а великий князь московский стал Государем Всея Руси. Самодержавие стало как бы необходимой принадлежностью России, ее единственным государственным уставом вплоть до двадцатого века.